
Есения Цветкова
Дровосек для Фельдшера

Есения Цветкова)
Дровосек для Фельдшера

https://litres.ru/74717609

Аннотация

Когда жизнь в родном городе становится невыносимой, двадцатидвухлетняя фельдшер Алиса Никитина принимает единственное возможное решение — бежать. Далеко. В глухую сибирскую деревню «Медвежий бор».

Здесь, среди тайги, метелей и строгих местных жителей, она начинает новую жизнь. Работает в крошечном ФАПе, учится выживать в морозы и лечить людей, которые давно не ждут помощи извне. Но судьба приготовила ей ещё один подарок — Константина Громова, сурового хозяина лесопилки, мужчину со шрамом через всё лицо и добрым сердцем.

Между ними вспыхивает сильное, настоящее чувство. Но прошлое не отпускает: бывший парень-сталкер находит её даже в этой глуши, а семейные интриги пытаются разрушить всё заново.

Сможет ли хрупкая городская девушка, нашедшая в себе силы сбежать, защитить своё счастье в суровой сибирской тайге? И сможет ли суровый «дровосек» стать тем самым человеком, который навсегда останется рядом?

Книга закончена.

Содержание

1 глава. 4
2 глава. 36
3 глава. 60
4 глава. 78
Конец ознакомительного фрагмента. 101

1 глава.

Алиса.

Я не собиралась подслушивать.

Это вышло случайно — так всегда говорят, когда хотят оправдаться перед самими собой. Но в тот день я действительно не планировала стоять под дверью Настиной комнаты и слушать, о чем она говорит по телефону со своей подругой Ленкой. Просто шла мимо, и дверь была приоткрыта — ровно настолько, чтобы я расслышала собственное имя.

— ...Алиска думает, что Андрей в неё влюблён, — голос Насти звучал насмешливо, с той особой интонацией, которую она никогда не использовала при мне. — Такая дура, честное слово. Ходит, нос задирает. А он мне сам говорил, что она просто временный вариант, пока я не созрею.

Я замерла. Рука, которой я только что поправляла волосы, застыла в воздухе.

— Нет, ну серьёзно, Лен, — продолжала Настя, и я слышала, как она ходит по комнате, скрип половиц под её ногами. — Ты бы видела, как он на меня смотрит на семейных ужинах. А она не замечает. Она вообще ничего не замечает, кроме своих учебников и этой дурацкой медицинской практики. Ей двадцать два, а она как бабка. Единственное, что в ней есть хорошего — это шмотки.

Я медленно опустила руку. Сердце стучало где-то в горле

— гулко, тяжело, больно.

— Конечно, я хочу его отбить, — Настя рассмеялась, и смех этот был чужим, колючим. — Андрей — он же красавчик, перспективный, у него отец в администрации работает. А что Алиска? Фельдшер в каком-нибудь захолустье, большего не добьётся. Я только жду, когда она съедет. Мама говорит, ещё немного, и папа сам её выставит. А когда Алиска уедет — всё, что здесь есть, моё будет. И комната её, и шмотки, и даже машина эта дурацкая. Представляешь?

Я стояла и не могла пошевелиться.

В висках стучало. Перед глазами всё плыло — коридор, обои в цветочек, которые выбирала ещё мама, фотографии на стенах. На одной из них я с отцом, мне лет десять, он держит меня на плечах, и мы оба смеёмся. Настоящий смех, не тот, фальшивый, которым он теперь улыбается Нине Фёдоровне.

— Ой, Лен, не смеши, — донеслось из-за двери. — Какая она мне сестра? Она мне никто. Папина дочка от первой жены, которая уже пять лет как кормит червей на кладбище. А я — законная дочь, между прочим. И вообще, знаешь, я думаю, что Алиска не такая уж и святая, как прикидывается. Андрей говорил, она холодная. Ну, ты понимаешь, о чём я. А он мужчина горячий, ему нужно...

Я не стала слушать дальше.

Ноги сами понесли меня прочь — сначала по коридору, потом вниз по лестнице, на первый этаж. Я не бежала, нет. Я

шла ровным, размеренным шагом, как будто ничего не случилось. Как будто я не расслышала. Как будто сердце не разрывалось в груди на мелкие осколки.

На кухне никого не было. Я прислонилась к столешнице, вцепилась пальцами в холодный камень и попыталась отдышаться. В горле стоял ком, который я отказывалась проглатывать. Слёзы жгли глаза, но я запретила им течь.

Нет. Не сейчас. Не из-за неё.

Настя знала, что я дома. Она знала. Она нарочно оставила дверь приоткрытой — теперь я понимала это с кристальной ясностью. Хотела, чтобы я услышала. Чтобы знала своё место.

И я знала.

Знала уже давно, если честно. Просто не хотела себе признаваться.

Я открыла холодильник, достала бутылку с водой, сделала глоток. Руки дрожали. Вода была ледяной, она обожгла горло, но это помогло — немного прояснило мысли.

И тут начали всплывать воспоминания. Мелкие, почти незаметные — те, на которые я раньше не обращала внимания.

Вот Андрей впервые пришёл к нам на семейный ужин. Это было месяца три назад. Я тогда ещё нервничала, хотела, чтобы всё прошло хорошо. И он вроде бы держался прилично — разговаривал с отцом о политике, делал комплименты Нине Фёдоровне. Но когда вошла Настя в этом своём обтя-

гивающем платье — ярко-красном, с вырезом, который она специально выбрала, чтобы произвести впечатление, — он замолчал на полуслове. Просто замолчал и смотрел на неё.

Я тогда сказала себе: он просто удивился. Не каждый день видишь человека в таком наряде за обычным ужином. Но теперь я вспоминала его взгляд — долгий, оценивающий. Так мужчины не смотрят на сестру своей девушки.

Потом был день рождения Насти в прошлом месяце. Андрей подарил ей цветы. Я ещё удивилась — с каких пор он такой внимательный? А он сказал: «Ну, это же твоя сестра, я хотел быть вежливым». И я поверила. Господи, какая же я была дура.

Он прикоснулся к её руке, когда передавал букет. Я видела это. Видела — и не придала значения.

А в прошлый вторник, когда мы все вместе ужинали, я заметила, что Настя надела мою бирюзовую блузку. Ту самую, которую мама подарила мне на шестнадцатилетие. Она сидела в ней за столом, как ни в чём не бывало, а когда я спросила — только плечами пожала: «Ой, а я думала, ты не против». Отец тогда сказал: «Алиса, не будь жадиной, у тебя и так полно вещей».

Полно вещей.

Это мои вещи. Мои. Купленные на деньги, которые мне оставила мама, и на стипендию, которую я получала за отличную учёбу. А то, что дарил отец, было моим по праву. Разве нет?

Я резко выдохнула и поставила бутылку на стол.

Андрей.

Что мне делать с Андреем?

Я не любила его. Теперь я могла признаться в этом хотя бы себе. Не любила — мне просто было приятно его внимание. Он был красивым, это правда. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами и голубыми глазами, в которые заглядывались половина девчонок нашего колледжа. Когда он начал за мной ухаживать — цветы после пар, провожания до дома, милые сообщения по вечерам, — я решила, что так и должно быть. Что это и есть те самые отношения, о которых все говорят.

Но я никогда не чувствовала бабочек в животе. Никогда не ждала его звонка с замиранием сердца. Просто позволяла ему быть рядом, потому что это было удобно.

А он тем временем смотрел на мою сводную сестру.

И говорил ей, что я — временный вариант.

Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

Телефон завибрировал в кармане джинсов. Я достала его — на экране высветилось сообщение от Андрея: «Привет, красотка. Встретимся сегодня вечером?»

Я смотрела на эти слова и чувствовала, как внутри закипает ярость. Не обида. Не грусть. Именно ярость — слепая, горячая, неконтролируемая.

«Да, — написала я в ответ. — Приходи через час к беседке в парке. Нужно поговорить».

***

В парке было безлюдно.

Конец мая, вечер — город словно вымер. Все, у кого была возможность, уехали на дачи или просто сидели по домам, наслаждаясь первым по-настоящему тёплым вечером. Я сидела на деревянной скамейке в беседке — старой, облупившейся, с вырезанными на перилах именами влюблённых — и ждала.

Солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая небо в розовые и оранжевые тона. В воздухе пахло сиренью и свежескошенной травой. Где-то вдалеке играла музыка — ритмичная, летняя, совсем не подходящая моему настроению.

Я сжимала в руках телефон и думала.

Думала о том, как всё сложилось. Как после смерти мамы мир словно раскололся на «до» и «после». Мне было семнадцать, когда это случилось. Мама всегда говорила, что я должна быть сильной — она сама была такой. Когда на озере начал тонуть соседский мальчик, она не раздумывала ни секунды. Бросилась в воду, вытащила его на берег — а сама уже не выбралась. Сердце не выдержало ледяной воды. Ей было всего тридцать девять.

После похорон отец замкнулся в себе. Я думала, это горе. Думала, ему нужно время. Я ждала — месяц, два, полгода. Но он просто... отдалился. Полностью. Как будто вместе с мамой умерла и его любовь ко мне.

А потом появилась Нина Фёдоровна.

Она работала в той же компании, что и отец, — успешный бухгалтер, ухоженная женщина с холодными серыми глазами и приторной улыбкой. Сначала она была просто коллегой, потом — «другом семьи», потом — всё чаще оставалась у нас на ужин. А через полтора года после маминой смерти они с отцом поженились.

Я пыталась её полюбить. Честно пыталась. Она казалась... нормальной. Вежливой. Иногда даже заботливой. Спрашивала, как дела в колледже, готовила мои любимые блюда, дарила подарки на праздники. И Настя, её дочь от первого брака, поначалу тоже не вызывала отторжения. Мы даже пытались дружить — гуляли вместе, смотрели фильмы, делились секретами.

Но всё изменилось, когда отец подарил мне машину.

Это было прошлым летом, после того как я окончила третий курс с красным дипломом. Он сам предложил — сказал, что гордится мной и хочет поддержать. Купил мне «Ладу», не самую дорогую, но приличную, подержанную. Я была счастлива.

А через неделю начался ад.

Нина Фёдоровна вдруг стала другой. Исчезла её вежливая улыбка, исчезли комплименты и забота. Вместо этого появились колкие замечания, недовольные взгляды, постоянные жалобы отцу. То я слишком громко слушаю музыку, то слишком поздно возвращаюсь домой, то недостаточно помогаю по хозяйству. То она находила в моих вещах то, чего там

никогда не было — и обвиняла меня в том, что я взяла это у Насти.

Сначала я пыталась защищаться. Потом — просто терпела. Потому что каждый раз, когда я пыталась поговорить с отцом, он только отмахивался: «Алиса, не выдумывай. Нина тебя любит, она просто хочет, чтобы ты была ответственной».

Он не видел. Или не хотел видеть.

А Настя... Настя тем временем по-тихому таскала мои вещи. Сначала мелочи — заколки, расчёски, какие-то безделушки. Потом начала брать одежду. Я замечала, конечно. Говорила ей. Она делала удивлённое лицо и отвечала: «Ой, извини, я думала, ты не против. Мы же сёстры». И я сдавалась. Потому что мы действительно были сёстрами. По крайней мере, я так думала.

До сегодняшнего дня.

— Привет!

Голос Андрея вырвал меня из воспоминаний. Я подняла голову.

Он шёл по дорожке к беседке — самоуверенный, красивый, в дорогой светлой рубашке и тёмных джинсах. В руках — букет белых роз. Моих любимых. Ирония заключалась в том, что он даже не знал, что белые розы я терпеть не могу. Их любила мама. А я с тех пор, как она умерла, не могла на них смотреть.

— Держи, — он протянул мне букет и наклонился, чтобы

поцеловать в щёку. — Ты сегодня какая-то загадочная. Что-то случилось?

Я не взяла цветы.

— Сядь, — сказала я, указав на скамейку напротив. — Нужно поговорить.

Он удивлённо поднял бровь, но сел. Букет положил на скамейку рядом с собой.

— Что за тон, Алиса? Ты меня пугаешь.

Я смотрела на него — на его правильные черты лица, на модную укладку, на часы за несколько тысяч долларов на запястье. Когда-то я думала, что такие, как он, — это предел мечтаний. Красивый, из хорошей семьи, с амбициями. Идеальный парень.

И всё это было ложью.

— Андрей, скажи мне честно, — мой голос звучал ровно, гораздо ровнее, чем я ожидала. — Что у тебя с Настей?

Он моргнул.

На долю секунды в его глазах мелькнуло что-то — растерянность, страх, удивление. Но он быстро взял себя в руки и рассмеялся:

— С Настей? Алиса, ты что, ревнуешь? Это же твоя сестра. Я просто стараюсь быть вежливым с твоей семьёй.

— Не ври.

— Я не вру. С чего ты вообще взяла?

Я молчала, глядя ему прямо в глаза. Мне хотелось накричать на него, заставить его признаться, вывести на чистую во-

ду. Но вместо этого я чувствовала только усталость. Огромную, свинцовую усталость, которая копилась годами.

— Я знаю, что ты говорил Насте, — сказала я тихо. — Что я временный вариант. Что ты ждёшь, пока она «созреет». Что меня нужно просто потерпеть.

Лицо Андрея изменилось. Улыбка исчезла, уступив место чему-то жёсткому, почти хищному.

— Кто тебе сказал?

— Не важно.

— Это Настя? — он нахмурился. — Она тебе сказала?

— Какая разница? Это правда. Я вижу по твоему лицу, что это правда.

Он помолчал, потом выдохнул и откинулся на спинку скамейки. Его поза стала более расслабленной, даже развязной.

— Ну, слушай, — сказал он, и его голос стал совсем другим. Не было в нём больше той мягкости, которую он всегда использовал со мной. — Ты же умная девочка, Алиса. Ты должна понимать, как устроен мир. Мы с тобой — это было хорошо. Но я мужчина, у меня есть потребности. И да, Настя — она более... раскрепощённая. А ты вечно занята своей учёбой, своей практикой, у тебя вечно нет времени. Чего ты ожидала?

Я смотрела на него и не узнавала. Будто с лица сняли маску и под ней оказалось что-то уродливое. Нет, не уродливое — просто чужое.

— Знаешь, — медленно сказала я, — есть разница между

тем, чтобы расстаться, и тем, чтобы врать. Ты врал мне все эти три месяца.

— Я не врал! — он подался вперёд. — Я просто не говорил всей правды. Это разные вещи.

— Нет. Это одно и то же.

Я встала. Андрей тоже поднялся — резко, как будто испугался, что я уйду.

— Подожди, — он схватил меня за руку. — Давай поговорим нормально. Ты расстроена, я понимаю. Но мы можем всё исправить. Я могу порвать с Настей, если хочешь. Она мне не нужна, это просто...

— Просто что? — я вырвала руку. — Развлечение? Как и я?

— Да что ты заладила! — его голос стал громче. — Ты ведёшь себя как истеричка. Я пытаюсь сохранить наши отношения, а ты!

— У нас нет отношений, Андрей. Больше нет.

— Алиса!

— Прощай.

Я повернулась и пошла прочь. Вечерний воздух стал прохладнее — или это у меня внутри всё замёрзло? Я шла быстро, почти бежала, и слышала за спиной его шаги.

— Алиса, стой!

Я не останавливалась.

— Да стой ты, дура!

Он догнал меня у выхода из парка. Схватил за плечо, раз-

вернул к себе. Его глаза горели — не страстью, нет, а злостью. Той злостью, которая появляется, когда человеку отказывают в том, что он считает своим по праву.

— Ты не можешь со мной так поступить, — процедил он сквозь зубы. — Я столько в тебя вложил.

— Вложил?

— Да, вложил! Я тебя везде представлял как свою девушку. Я делал тебе подарки, я тратил на тебя время. А ты теперь просто уходишь?

— Отпусти моё плечо.

— Не отпущу, пока не поговорим по-человечески.

Я попыталась вырваться, но он держал крепко. Его пальцы впились в мою кожу, и я почувствовала, как внутри поднимается волна страха. Я не узнавала его. Это был не тот Андрей, который дарил мне цветы и говорил милые глупости. Это был кто-то другой — злой, непредсказуемый, опасный.

— Ты меня пугаешь, — сказала я тихо. — Отпусти.

— Я тебя пугаю? — он вдруг усмехнулся. — Да ты сама себя пугаешь, Алиса. Ты думаешь, кому-то ещё будешь нужна? Посмотри на себя. Заучка, которая не умеет веселиться. Вечно с книжками, вечно в своих больницах. Ты же скучная до скрежета зубов. А строишь из себя недотрогу. Да любая нормальная девушка была бы счастлива иметь такого парня, как я!

— Тогда найди такую и оставь меня в покое.

Я снова дёрнулась, и на этот раз он меня отпустил. Но не

потому, что передумал — а потому, что хотел кое-что другое.

Удар пришёлся по левой щеке — резкий, хлёсткий, унизительный. У меня в голове зазвенело, перед глазами вспыхнули белые пятна. Я качнулась, но устояла на ногах.

Он ударил меня. По лицу. Наотмашь.

Я медленно подняла руку к щеке. Кожа горела, словно к ней приложили раскалённое железо. Стыд — вот что я почувствовала в первую секунду. Жгучий, унизительный стыд. А потом на смену ему пришёл ледяной, всепоглощающий гнев.

— Ты... — начала я, но он перебил:

— Извини. Я не хотел. Ты сама виновата.

Он смотрел на меня — и в его глазах не было раскаяния. Было только раздражение. Как будто я — вещь, которая сломалась, и теперь он не знает, что со мной делать.

— Убирайся, — сказала я. Мой голос дрожал, но я заставила себя говорить твёрдо. — Сейчас же убирайся. Если ты хоть ещё раз приблизишься ко мне — я заявлю в полицию.

— Алиса...

— Пошёл вон!

Он посмотрел на меня долгим взглядом, полным злобы и презрения. Потом развернулся и пошёл обратно в парк — к скамейке, где остался лежать ненужный букет белых роз.

А я осталась стоять на месте, прижимая ладонь к горящей щеке.

Вечернее солнце почти скрылось за горизонтом. Стало темно — или это у меня потемнело в глазах? Я сделала шаг, потом ещё один, и только потом поняла, что иду. Просто иду вперёд, сама не зная куда.

Щека болела. Но внутри болело сильнее.

Не из-за Андрея — он того не стоил. Из-за всего. Из-за отца, который променял меня на новую семью. Из-за мачехи, которая годами лгала, притворяясь хорошей. Из-за Насти, которую я считала сестрой, а она просто ждала, когда я уйду, чтобы занять моё место.

Из-за того, что у меня больше не было дома.

Я остановилась на перекрёстке и подняла голову к небу. Там, в вышине, уже загорались первые звёзды — далёкие, равнодушные. Я смотрела на них и думала о маме. О том, что она сказала бы, если бы увидела меня сейчас.

Она бы не плакала. Она бы не жалела меня. Она бы просто взяла меня за плечи, посмотрела в глаза и сказала: «Алиса, ты сильнее, чем думаешь. Ты справишься».

Я зажмурилась, прогоняя непрошеные слёзы.

Когда я открыла глаза — решение уже было принято.

Я не останусь здесь. Не позволю им растоптать меня окончательно.

Я уеду. Далеко-далеко, туда, где меня никто не знает, где нет ни отца с его холодным равнодушием, ни мачехи с её интригами, ни Насти, ни Андрея. Я получу диплом, пройду аккредитацию и возьму направление на распределение. Го-

ворят, в Сибири не хватает фельдшеров. Говорят, там трудно — суровый климат, тяжёлые условия, низкие зарплаты.

Мне всё равно.

Трудности меня не пугают. Страшно только то, что я оставляю здесь. Вернее — то, что здесь уже ничего и не осталось.

***

Когда я вернулась домой, часы показывали почти девять вечера.

Я надеялась незаметно проскользнуть в свою комнату, но с порога поняла — не получится. Из гостиной доносились голоса: громкий, возбуждённый голос Нины Фёдоровны и более тихий, уставший голос отца.

Я остановилась в прихожей. Сняла кеды, поставила их аккуратно на полку, повесила лёгкую куртку на вешалку. Каждое движение было размеренным, автоматическим — я прислушивалась.

— ...я больше так не могу, Рома! — голос мачехи срывался на высокие ноты. — Она сегодня опять взяла Настину помаду. Ты представляешь? Помаду за четыре тысячи рублей! Просто взяла и ушла с ней в колледж, ничего не спросив!

Я нахмурилась. Я не брала никакой помады. У меня своя есть, и я вообще редко крашу губы.

— Нина, я уверен, это недоразумение, — ответил отец успокаивающим тоном. — Алиса не стала бы...

— Не стала бы?! — взвилась мачеха. — Рома, ты слепой!

Твоя дочь делает всё, что хочет, а ты её покрываешь! Она избалованная, неблагодарная девчонка, которая считает, что весь мир ей должен. А Настя страдает! Настя плачет по вечерам, но молчит, потому что не хочет ссорить семью!

Я стояла в прихожей, сжимая кулаки.

Настя плачет? Настя страдает?

Да если бы. Настя — расчётливая, хладнокровная манипуляторша, которая с детства умела выставлять себя жертвой. Этому её научила мать. И теперь они вместе играли в этот спектакль перед моим отцом, который предпочитал ничего не замечать.

— Хорошо, — донёсся усталый голос отца. — Я поговорю с Алисой. Сегодня же.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я не стала ждать продолжения. Бесшумно поднялась по лестнице, стараясь не наступать на скрипучие половицы, и скользнула в свою комнату.

Закрыв за собой дверь, я прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол.

Щека до сих пор горела. Я подошла к зеркалу и впервые за вечер посмотрела на себя. Левая сторона лица была красной, слегка припухшей. К утру наверняка появится синяк.

Я села на кровать и обвела взглядом комнату. Здесь прошло моё детство. Здесь мама читала мне сказки на ночь. Здесь я готовилась к экзаменам, плакала над несчастной лю-

бовью в четырнадцать лет, мечтала о будущем.

Теперь это была просто комната в доме, где я больше не чувствовала себя желанной.

Я просидела так, наверное, полчаса, когда в дверь постучали.

— Алиса, — голос отца. — Можно войти?

Я глубоко вздохнула и встала. Подошла к двери, отперла. Отец стоял на пороге — высокий, всё ещё красивый в свои сорок семь, но с глубокими морщинами на лбу и уставшими глазами.

— Привет, — сказал он и попытался улыбнуться. — Как прошёл день?

— Нормально, — я отошла в сторону, пропуская его в комнату.

Он вошёл, огляделся, словно был здесь впервые. Потом заметил моё лицо.

— Что у тебя со щекой?

— Упала, — соврала я. Говорить правду не было ни сил, ни желания. Всё равно он бы не поверил или нашёл бы способ обвинить меня.

Отец нахмурился, но расспрашивать не стал. Вместо этого он тяжело вздохнул и сел на край моего стула — единственного свободного места в комнате, потому что на кровати сидела я.

— Алиса, — начал он и замолчал, подбирая слова. — Я хочу с тобой серьёзно поговорить.

— О чём?

— О тебе. О твоём поведении.

Я молчала.

— Нина говорит, что ты опять брала вещи Насти без спроса.

— Я не брала.

— Алиса, — в его голосе появились металлические нотки. — Я не хочу, чтобы ты врала.

— Я не брала Настину помаду, — сказала я ровным голосом. — У меня своя есть. И вообще, это скорее она берёт мои вещи, а не наоборот.

Отец покачал головой:

— Ты всегда так. Всегда оправдываешься. Алиса, я понимаю, тебе трудно. Мы все потеряли маму. Но прошло уже пять лет. Пора научиться жить дальше и быть частью этой семьи.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то обрывается. Последняя нить, которая связывала меня с этим человеком.

Он говорил о маме так, будто она была просто эпизодом, который нужно пережить и забыть. Будто она была не его женой восемнадцать лет, не женщиной, которая родила ему дочь, не человеком, который отдал жизнь за другого. А просто... прошлым.

— Пап, — сказала я, и мой голос звучал глухо, — ты вообще меня слышишь?

— Что?

— Ты слышишь, что я говорю? Или ты слышишь только то, что тебе рассказывает Нина?

Он поджал губы.

— Нина желает тебе только добра. Она любит тебя как родную дочь.

Я не выдержала. Горький смешок вырвался из груди:

— Любит? Да она меня ненавидит с тех пор, как ты подарил мне машину! Ты не замечаешь? Ты вообще хоть раз за последний год разговаривал со мной по-настоящему? Спрашивал, как у меня дела, о чём я думаю, чего боюсь?

— Алиса...

— Ты всегда на её стороне, — продолжала я, и слова полились сами, как вода из прорванной плотины. — Всегда. Когда она говорит, что я плохая, ты веришь. Когда я пытаюсь защищаться — ты называешь меня неблагодарной. Ты хоть раз задумывался, каково мне? Жить в доме, где меня постоянно унижают, где мои вещи воруют, где за моей спиной плетут интриги?

Отец встал. Его лицо потемнело.

— Достаточно, — отрезал он. — Я не позволю тебе говорить так о Нине. Она моя жена, и она сделала для тебя больше, чем ты заслуживаешь.

— Что? — я тоже встала. — Что она для меня сделала? Научила Настю воровать мои вещи? Рассказывала тебе небылицы о том, какая я плохая? Или, может быть, она за-

менила мне мать? Нет, папа. Она её не заменила. И никогда не заменит. Потому что мама меня любила. А Нина любит только себя и свою дочь.

Тишина.

Отец смотрел на меня с таким выражением, как будто видел впервые. И в его взгляде не было любви. Только раздражение. Усталость. И что-то ещё — то ли разочарование, то ли неприязнь.

— Ты неблагодарная, — сказал он тихо. — Я дал тебе всё — образование, крышу над головой, машину. А ты платишь мне чёрной неблагодарностью. Ты позоришь меня перед Ниной и Настей. Ты разрушаешь нашу семью.

— Вашу семью, — поправила я, и мой голос прозвучал на удивление твёрдо. — Не нашу. Вашу. Я в ней — лишняя…И я на стипендии.

Отец покачал головой. Потом повернулся к двери и, уже взявшись за ручку, бросил через плечо:

— Завтра ты извинишься перед Ниной и Настей. И я не хочу больше слышать этих разговоров. Ты меня поняла?

Он вышел, не дожидаясь ответа.

Дверь закрылась с глухим стуком.

Я осталась стоять посреди комнаты, глядя на то место, где он только что сидел. В горле стоял ком, перед глазами всё расплывалось. Но я не плакала.

Нет. Не сейчас.

Я достала телефон и открыла сайт колледжа. Раздел «Рас-

пределение выпускников». Нашла подраздел с вакансиями в удалённых регионах. Сибирь, Дальний Восток, Крайний Север — туда, где не хватает медицинских работников, где государство предоставляет подъёмные и жильё.

Я листала список. Братская область, Иркутская область, Красноярский край... Вот. «Малиновский район. Требуются фельдшеры в ФАПы. Предоставляется служебное жильё, подъёмные, компенсация проезда».

Я кликнула на ссылку и начала читать условия.

Через час я уже знала, что мне нужно делать.

***

Следующие три недели прошли как в тумане.

Я почти ни с кем не разговаривала дома. Возвращалась поздно, уходила рано. Завтракала и ужинала в колледжной столовой — дешёвой, невкусной, зато никого не нужно было видеть за общим столом, где Нина Фёдоровна метала в меня колкие взгляды, Настя изображала оскорблённую невинность, а отец делал вид, что ничего не происходит.

С Андреем я больше не пересекалась. Он звонил — первые дни по десять раз на дню. Сначала извинялся, умолял дать ему ещё один шанс. Потом, когда я заблокировала его номер, начал писать с незнакомых телефонов. Сообщения были разными — от «прости меня, я дурак» до «ты ещё пожалеешь,дура». Я удаляла их не читая и ставила новые блокировки.

Один раз он подкараулил меня возле колледжа. Я замети-

ла его издалека — он стоял у входа с букетом, как будто ничего не случилось. Я развернулась и ушла через чёрный ход.

Каждый вечер я возвращалась в свою комнату и работала над дипломом. Тема была сложной — «Организация неотложной медицинской помощи в сельской местности». Ирония заключалась в том, что я выбрала её ещё полгода назад, когда о переезде и не думала. А теперь получалось, что я готовилась к своей будущей работе.

Руководительница диплома, Галина Петровна, пожилая врач с сорокалетним стажем, смотрела на меня с удивлением, когда я приносила очередную главу.

— Алиса, ты не спишь по ночам, что ли? — спросила она однажды. — У тебя не диплом, а кандидатская диссертация получается.

Я только пожимала плечами. Мне нужно было чем-то занять голову. Чем-то, что не оставляло времени на мысли об отце, о мачехе, о Насте. О предательстве, которое, как оказалось, жило со мной под одной крышей долгие годы.

Защита диплома прошла блестяще.

Я стояла перед комиссией — четверо преподавателей и приглашённый специалист из областной больницы — и рассказывала о своей работе. В аудитории было душно, майское солнце било в окна, где-то на задних рядах перешёптывались однокурсники. Но я не замечала ничего вокруг.

Я говорила о том, как организовать экстренную помощь в условиях, когда до ближайшей больницы — сто километ-

ров по бездорожью. О том, как диагностировать инфаркт без кардиографа, как принимать роды в деревенской избе, как распознать менингит у ребёнка, когда нет возможности сделать лабораторные анализы.

— Скажите, Никитина, — председатель комиссии, седой профессор, поправил очки, — вы действительно собираетесь работать в сельской местности?

— Да, — ответила я спокойно.

— Почему? С вашими оценками вы могли бы остаться в городе, поступить в медицинский университет, стать врачом.

Я помолчала, подбирая слова.

— Там я нужнее.

Профессор кивнул, и мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

Оценка — «отлично». Красный диплом. Лучшая выпускница курса.

Жаль только, что на вручении дипломов не было никого из моей семьи. Отец сказал, что занят на работе. Мачеха — что у неё болит голова. Настя просто не пришла.

Я стояла на сцене с дипломом в руках и смотрела в зал, где чужие родители аплодировали чужим детям. И в этот момент я окончательно поняла — всё правильно. Я всё делаю правильно.

Аккредитация была через неделю после защиты. Три этапа: тестирование, практические навыки, собеседование. Я прошла их один за другим, как будто это был просто ещё

один учебный день. Мышечная память, натренированная годами практики, работала безотказно. Руки сами знали, как накладывать жгут, как проводить сердечно-лёгочную реанимацию, как измерять артериальное давление.

После аккредитации я подала документы на распределение.

В отделе кадров на меня посмотрели с удивлением.

— Никитина, вы уверены? Малиновский район — это Сибирь. Глушь. До ближайшего города — четыреста километров.

— Уверена.

— Там суровые зимы. Минус сорок — обычное дело.

— Я знаю.

— И зарплата... ну, вы понимаете. Подъёмные, конечно, дадут, но всё равно.

— Меня это не пугает.

Кадровичка, полная женщина с усталыми глазами, покачала головой и поставила печать.

Через десять дней я держала в руках направление в ФАП деревни Медвежий Бор Малиновского района.

Медвежий Бор.

Я мысленно повторяла это название, и оно мне нравилось. В нём было что-то... настоящее. Не фальшивое, не притворное. Как в том лесу, куда мы когда-то ездили с мамой за грибами — сосны до неба, мягкий мох под ногами, запах хвои и свободы.

Оставался последний шаг.

Собрать вещи и уехать так, чтобы никто не знал.

***

Конец августа. Я выбрала четверг.

Отец с Ниной Фёдоровной уезжали на какой-то деловой приём в соседний город — Нина говорила об этом целую неделю, выбирая платье и обсуждая с мужем, с кем из партнёров нужно переговорить. Настя собиралась к подруге Ленке на дачу — на всё воскресенье, с ночёвкой.

Дом будет пустовать с восьми утра и до позднего вечера.

Идеально.

Я проснулась в шесть, когда солнце только начинало подниматься над крышами соседних домов. За окном щебетали птицы, где-то вдалеке гудел первый трамвай. Город просыпался, не подозревая, что для меня это утро — последнее здесь.

Быстро приняла душ, оделась в самое удобное — джинсы, футболку, кроссовки. Волосы собрала в высокий хвост. Посмотрела на себя в зеркало — бледная, с тёмными кругами под глазами от недосыпа, но решительная.

Я спустилась на кухню. Нина Фёдоровна уже суетилась у плиты — жарила яичницу для отца. Увидев меня, она поджала губы.

— Доброе утро, — сказала я нарочито вежливо.

— Доброе, — процедила она в ответ.

Я налила себе кофе и села за стол. Через несколько минут

спустился отец — в дорогом костюме, при галстуке, пахнущий дорогим одеколоном. Он кивнул мне, как чужой — коротко, без улыбки.

— Доброе утро.

— Доброе.

Мы завтракали в тишине. Нина что-то щебетала о планах на вечер, отец отвечал односложно, я молча пила кофе и смотрела в окно.

Последний завтрак в этом доме.

Когда они уехали, я подождала ещё полчаса, чтобы убедиться, что никто не вернулся за забытой вещью. Потом поднялась в комнату Насти.

Это было странное чувство — войти в её комнату одной. Обычно она всегда была здесь, сидела за своим столом с косметикой или болтала по телефону. Теперь комната опустела, и я могла рассмотреть её повнимательнее.

В шкафу, аккуратно развешанные на плечиках, висели мои вещи.

Бирюзовая блузка — мамина. Я сняла её с вешалки и прижала к лицу. От ткани пахло Настиными духами — приторными, сладкими. Я аккуратно сложила блузку.

Вот моя джинсовая юбка. Вот шёлковый платок, который мне подарила бабушка. Вот браслет — дешёвый, с деревянными бусинами, но я любила его за то, что купила на свою первую стипендию.

Я методично обходила комнату, забирая всё, что принад-

лежало мне. Заколки с туалетного столика. Расчёску. Флакончик с туалетной водой — почти пустой, но я не собиралась оставлять ей даже его. Книгу, которую я дала ей почитать полгода назад и которую она так и не вернула.

Когда я закончила с Настиной комнатой, пришла очередь моей собственной.

За те три недели, что я готовилась к отъезду, я много думала о том, что взять с собой. В Медвежий Бор, в фельдшерско-акушерский пункт, где мне предстоит жить и работать. Много не увезёшь — машина не резиновая. Но и оставлять здесь ничего нельзя.

Настя сказала по телефону: «Когда Алиска уедет — всё, что здесь есть, моё будет». И я позабочусь о том, чтобы ей ничего не досталось.

Ничего.

Я начала с одежды. Складывала вещи в большие сумки и пакеты, сортируя на ходу: это беру, это — на выброс, это — отдам в благотворительность. Да, я скорее разрежу свои платья на тряпки и выброшу в мусорный бак на заправке в трёхстах километрах от дома, чем позволю Насте носить их.

Книги. Много книг. Медицинские справочники, атласы, учебники. Художественная литература — любимые романы, которые мама читала мне в детстве. Я упаковала их в отдельную коробку.

Фотографии. Альбомы с детскими снимками — мама на море, папа — тогда ещё настоящий, любящий, — держит ме-

ня на руках. Наши совместные праздники до того, как всё изменилось. Я не могла оставить это здесь.

Документы бережно уложила в папку и положила в рюкзак, который всегда будет при мне. Диплом, свидетельство об аккредитации, направление на работу, паспорт, медицинская книжка, СНИЛС.

Ноутбук. Планшет. Зарядные устройства. Аптечка — моя личная, собранная за годы учёбы.

К обеду моя комната опустела.

Я стояла посреди неё и смотрела на голые стены. Только сейчас я заметила, какие они выцветшие — в тех местах, где раньше висели постеры и фотографии. На кровати остался только матрас, в шкафу — пустые вешалки.

Здесь больше ничто не говорило о том, что в этой комнате кто-то жил.

Я взяла тряпку и вытерла пыль на подоконнике. Потом пропылесосила пол. Потом протёрла зеркало. Сама не знаю зачем — наверное, просто не хотела, чтобы они говорили потом: «Алиса уехала и оставила грязь». Я хотела исчезнуть идеально. Так, чтобы мой отъезд был безупречен во всех отношениях.

Когда комната засверкала чистотой, я взяла лист бумаги и написала записку:

«Я уехала. Документы на машину, ключи от дома и все вещи, которые вы мне дарили, я оставляю. Мне от вас ничего не нужно. Алиса».

Я положила записку на кухонный стол, придавив её солонкой, чтобы не сдуло сквозняком.

Рядом легли ключи от дома и связка ключей от машины.

Нет. Я оставлю только ключи от дома. А машина — она моя. Отец сам подарил её мне. И я имею право ею распоряжаться.

Я перечитала записку и разорвала её.

Новая версия была короче:

«Я уехала. Не ищите. Алиса».

Этого достаточно. Они поймут.

Теперь оставалось погрузить вещи в машину.

Это заняло три ходки. Я таскала сумки и коробки, стараясь не шуметь, хотя в доме никого не было. Просто по привычке. Просто потому, что за годы жизни с Ниной Фёдоровной я привыкла быть незаметной, бесшумной, не привлекающей внимания.

Когда последняя коробка оказалась в багажнике, я вернулась в дом в последний раз.

Прошла по коридору, заглянула в гостиную, где мы когда-то смотрели фильмы всей семьёй — до того, как появилась Нина. Потом в кухню, где мама пекла свои фирменные блины по воскресеньям. Потом в отцовский кабинет — я не заходила туда уже несколько лет, с тех пор как он однажды сказал, чтобы я «не мешала работать».

Я остановилась у двери в комнату родителей. Бывшую комнату родителей. Ту, где раньше, по утрам, я слышала ма-

мин смех и папин низкий голос. Где теперь жили чужие друг другу люди, притворявшиеся семьёй.

Входить я не стала.

Вместо этого я спустилась в прихожую, надела кроссовки и уже взялась за ручку входной двери, когда мой взгляд упал на полку с обувью.

Там стояли Настины туфли. Новые, лакированные, купленные отцом на прошлой неделе. Рядом — её босоножки, кеды, сапоги.

И пара моих балеток, которые она взяла месяц назад и не вернула.

Я наклонилась, подняла их — и швырнула в мусорное ведро у входа. Следом отправился старый журнал, который валялся на тумбочке. И ещё одна мелочь, которую я заметила — заколка с моей любимой бабочкой.

Всё, что было моим, я забрала. Всё, что не могла забрать, — уничтожила или выбросила.

Пусть теперь Настя носит только то, что ей купили. А то, что принадлежало мне, она больше никогда не наденет.

Я вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь.

На секунду я задержалась, глядя на дом. Трёхэтажный особняк в элитном районе, с большими окнами и ухоженным садом. Дом, в котором я прожила большую часть своей жизни.

Теперь это был просто дом. Не мой.

Я села в машину, вставила ключ в зажигание. Двигатель

заурчал ровно и мягко — отец знал толк в автомобилях, даже когда покупал дешёвые отечественные модели.

Навигатор показывал маршрут: пять тысяч четыреста километров до Малиновки. Почти трое суток в пути, если ехать без остановок.

Я выехала со двора, не оглядываясь.

Машина плавно катилась по знакомым улицам — мимо школы, где я училась, мимо парка, где когда-то гуляла с друзьями, мимо больницы, где проходила практику. Город детства, который стал чужим.

На выезде из города я остановилась на заправке. Залила полный бак, купила воды и бутербродов в дорогу. Проверила колеса, протёрла фары.

— Далеко едете? — спросила кассирша, пожилая женщина с добрым лицом.

— В Сибирь, — ответила я.

— Ого, — она присвистнула. — Надолго?

— Думаю навсегда.

Кассирша посмотрела на меня внимательнее, но ничего не сказала. Только пожелала счастливой дороги.

Я снова села за руль и выехала на трассу.

Город остался позади.

В зеркале заднего вида он уменьшался, сжимался в точку, пока не исчез совсем. Впереди лежала дорога — ровная серая лента, разрезающая поля и леса. И где-то там, за тысячами километров, меня ждала новая жизнь. Без предательства,

без унижений, без фальшивых улыбок за завтраком.

Без Насти, которая считала, что может забрать всё, что мне дорого.

Без Андрея, который думал, что я — его собственность.

Без отца, для которого я стала чужим человеком.

Навигатор пересчитал маршрут и выдал новое время прибытия. Я нажала на газ, и машина понеслась вперёд, навстречу неизвестности.

Впереди была Сибирь. Медвежий Бор. И, может быть, что-то похожее на надежду.

2 глава.

Алиса.

Дорога оказалась длиннее, чем я предполагала.

Навигатор показывал две тысячи километров, и поначалу эта цифра казалась просто числом на экране — абстрактным, не имеющим отношения к реальности. Но когда за первые четыре часа я проехала всего триста километров, до меня начало доходить: это не путешествие. Это — исход.

Первая остановка случилась через шесть часов пути. Маленькая придорожная гостиница с кафе, где пахло жареной картошкой и дешёвым кофе. Я заказала ужин и села за столик у окна, глядя на свою машину, припаркованную на пустой стоянке.

Телефон завибрировал.

Я взглянула на экран — отец. Не «папа», как я записала его много лет назад, а именно «отец» — холодно, официально. Я сбросила звонок и выключила звук. Потом, подумав, зашла в настройки и заблокировала его номер.

Второй звонок — с незнакомого номера. Я ответила.

— Алиса, где ты?! — голос Насти звучал взволнованно, но я слышала за этим волнением что-то ещё. Любопытство? Азарт? — Папа с мамой с ума сходят! Что ты устроила?!

— Я уехала.

— Куда?! Надолго?!

Я помолчала, глядя на закатное небо за окном. Солнце садилось, окрашивая облака в розовый и золотой.

— Передай им, что я в порядке. И не звоните мне больше.

— Алиса, подожди! — заторопилась Настя. — А как же твои вещи? Ты же всё забрала! Там даже заколок не осталось, ты с ума сошла?

— Мои вещи — моё дело, — сказала я и добавила, не удержавшись: — Тебе же ничего не достанется, Настя. Как ты и планировала.

В трубке повисла тишина. Долгая, звенящая. А потом Настя заговорила совсем другим голосом — без притворства, злым, колючим:

— Ты совсем дура, Алиса. Куда ты денешься без денег, без поддержки? Да ты через месяц приползёшь обратно.

— Не приползу.

Я нажала «отбой» и заблокировала этот номер тоже.

Кофе остыл, но я всё равно выпила его до дна — горький, крепкий. Потом расплатилась, села в машину и поехала дальше.

В тот вечер я проехала ещё триста километров и остановилась на ночь в дешёвом мотеле у трассы. Комната была крошечной — кровать, тумбочка, телевизор, который не работал. Но мне было всё равно. Я рухнула на кровать, не раздеваясь, и провалилась в сон без сновидений.

На следующий день я проснулась в пять утра. За окном ещё стоял туман — густой, молочный, скрывающий очерта-

ния деревьев и соседних зданий. Я приняла ледяной душ (горячей воды в мотеле не было), перекусила бутербродами, купленными на заправке, и снова выехала на трассу.

Второй день пути был тяжелее.

Дорога стала хуже — ямы, трещины, участки с ремонтом, где приходилось тащиться со скоростью сорок километров в час. Мимо проносились фуры, обдавая мою маленькую машину волнами воздуха, и каждый раз я вцеплялась в руль, стараясь удержать её на полосе.

К обеду я пересекла границу Урала. Горы здесь были старые, сглаженные временем, покрытые густыми лесами. Дорога петляла между ними, то взбираясь вверх, то спускаясь в долины, и я чувствовала, как закладывает уши от перепадов высоты.

Я включила радио. Поймала какую-то местную станцию, где крутили старые песни — те самые, которые мама слушала на кухне, когда готовила ужин. «Не надо печалиться, вся жизнь впереди...»

Я выключила радио.

К вечеру второго дня я была уже в Сибири. Пейзаж изменился — поля сменились тайгой, бесконечной, тёмно-зелёной, уходящей за горизонт. Воздух стал другим — более сухим, прохладным, с каким-то особенным запахом хвои и смолы. Я опустила стекло и вдохнула полной грудью.

Здесь пахло свободой.

Третье утро застало меня на подъезде к Малиновке.

Я проснулась в машине — в какой-то момент ночью я поняла, что больше не могу вести, съехала на обочину и отключилась прямо на водительском сиденье. Тело затекло, шея болела, но настроение было странно приподнятым.

Я выбралась из машины и огляделась.

Вокруг была тайга. Настоящая, сибирская — сосны до неба, густой подлесок, тишина, которую нарушало только пение птиц. Воздух был прохладным, даже холодным — в конце мая здесь ещё чувствовалась близость недавней зимы.

Я сделала несколько глотков воды из бутылки, размяла плечи и снова села за руль.

Навигатор показывал, что до Малиновки осталось шестьдесят километров.

***

Посёлок появился неожиданно.

Трасса долго петляла между сопок, поросших густым лесом, а потом вдруг — раз, и деревья расступились, открывая широкую долину, по которой змеилась река. На берегу реки и стояла Малиновка.

Я ожидала увидеть захолустье. Честно говоря, я готовилась к худшему: покосившиеся избы, грязь на улицах, пьяные мужики на центральной площади. Так мне описывали сибирскую глубинку однокурсники, которые сами никогда там не были, но «слышали от знакомых».

Реальность оказалась иной.

Малиновка была посёлком городского типа — не дерев-

ней, не селом, а именно посёлком, с асфальтированными дорогами, аккуратными домами и даже светофорами на центральном перекрёстке. Когда я въехала на главную улицу, то невольно сбросила скорость, разглядывая окрестности.

Здесь кипела жизнь.

Вот супермаркет — не какой-нибудь сельский ларек с просроченными консервами, а настоящий, с яркой вывеской и парковкой перед входом. Вот аптека, банк, отделение почты. Дальше по улице — кафе с летней верандой, где сидели люди с чашками кофе, и пекарня, из которой доносился умопомрачительный запах свежей выпечки.

Я притормозила, вдохнула этот запах — и на секунду прикрыла глаза.

Свежий хлеб. Корица. Ваниль.

Прямо как в детстве, когда мы с мамой ходили в булочную за углом.

На центральной площади стояло здание администрации — двухэтажное, современное, с флагом на крыше. Рядом — небольшой парк с клумбами и скамейками, где мамы с колясками обсуждали последние новости. Чуть дальше виднелось здание школы — трёхэтажное, с новыми пластиковыми окнами и спортивной площадкой.

Я проехала дальше. На соседней улице обнаружился детский сад — яркий, с рисунками на стенах и детскими голосами, доносящимися с площадки. А ещё дальше — целый микрорайон новых домов: двухэтажные коттеджи с гаража-

ми и палисадниками.

Это не было похоже на «умирающую деревню». Это был живой, развивающийся посёлок.

Я остановилась у обочины и достала телефон. Сигнал был — слабый, но был. Я открыла карту и нашла адрес районной больницы. Она находилась на окраине — трёхэтажное здание из белого кирпича, построенное явно не вчера, но выглядевшее ухоженным.

Через десять минут я уже парковалась перед входом.

Внутри пахло медициной — тем самым запахом антисептиков и лекарств, который для меня был привычнее запаха духов. Светлый коридор, чисто вымытый пол, информационные стенды на стенах. За стойкой регистрации сидела женщина в белом халате и что-то печатала на клавиатуре.

— Здравствуйте, — сказала я, подходя. — Я Алиса Никитина, новый фельдшер. Мне нужен заведующий.

Женщина подняла голову, оглядела меня с любопытством — видимо, новые люди здесь были редкостью — и кивнула:

— Пётр Ильич у себя. Второй этаж, кабинет двенадцать. Он вас ждёт.

— Ждёт? — удивилась я.

— Ну да, — женщина улыбнулась. — Ему из отдела кадров сообщили, что вы едете. Он уже неделю спрашивает, не приехала ли новая фельдшерица.

Я поднялась на второй этаж. Кабинет двенадцать оказался в конце коридора — дверь была приоткрыта, и изнутри

доносился низкий мужской голос, говоривший с кем-то по телефону.

Я постучала.

— Войдите!

Пётр Ильич оказался невысоким, коренастым мужчиной лет пятидесяти пяти, с седеющей бородой и умными, внимательными глазами за стёклами очков. Когда я вошла, он как раз положил трубку и поднялся мне навстречу.

— Никитина? — уточнил он, протягивая руку.

— Да. Алиса Романовна.

— Пётр Ильич, заведующий Малиновской районной больницей. Рад познакомиться.

Рукопожатие у него было крепким, сухим, как у всех врачей, привыкших мыть руки по сто раз в день. Он жестом пригласил меня сесть, а сам опустился в своё кресло — старенькое, скрипучее, обитое потрескавшейся кожей.

— Ну-с, — он сцепил пальцы и посмотрел на меня поверх очков. — Добрались нормально?

— Да. Трое суток в пути, но в целом нормально.

— На своей машине?

— Да.

— Смело, — Пётр Ильич одобрительно кивнул. — Не каждый решится через полстраны на легковушке. Характер чувствуется. Это хорошо. Здесь без характера нельзя.

Я почувствовала себя немного скованно. Меня оценивали, и я это понимала.

— Давайте сразу к делу, — он подвинул ко мне папку, лежавшую на столе. — Ваши документы я уже посмотрел. Красный диплом, отличные оценки на аккредитации, рекомендации от преподавателей. Впечатляет. Скажите честно, Никитина: что вас заставило выбрать именно наш район?

Я помедлила, подбирая слова.

— Мне нужно было уехать. Далеко.

Пётр Ильич смотрел на меня несколько секунд, а потом неожиданно усмехнулся:

— Честный ответ. Уже за это уважаю. Большинство присылают сюда, а не едут сами. Вы, пожалуй, первый доброволец за последние пять лет.

— Правда?

— Правда. Остальные — по распределению, отрабатывают обязательный срок и сразу назад, в город. А вы... — он сделал паузу, разглядывая меня. — Вы, похоже, всерьёз.

— Всерьёз, — подтвердила я.

— Тогда расскажу, что вас ждёт, — Пётр Ильич откинулся на спинку кресла. — Ваше место работы — фельдшерско-акушерский пункт в деревне Медвежий Бор. Это примерно сорок километров от Малиновки. Дорога не самая лучшая — гравийка, после дождей размывает, зимой заметает так, что не проехать. Техника есть: трактор, УАЗ — «буханка», знаете такую? — на случай бездорожья. Но лучше иметь свой транспорт.

— У меня машина.

— Знаю. Но учтите, легковушка не везде пройдёт. Придётся привыкать.

Он подвинул ко мне карту района и ткнул пальцем в точку на ней.

— Вот здесь Медвежий Бор. Население — около трёхсот человек. Летом больше, приезжают дачники, родственники. В деревне есть ферма, большая, молочная — основное предприятие. И лесопилка Громова. Слышали о такой?

— Нет.

— Узнаете, — Пётр Ильич усмехнулся в бороду, но комментировать не стал. — ФАП новый, построили два года назад по федеральной программе. Оборудование современное, есть кардиограф, дефибриллятор, набор для экстренной помощи. Лекарства поступают регулярно. В общем, условия хорошие.

— А жильё? — спросила я.

— Жильё тоже новое. Бревенчатый дом, прямо рядом с ФАПом. С удобствами — канализация, водопровод, каменная печь. До вас там никто не жил, так что вы первая хозяйка. Дом небольшой, но для одного человека — самое то. Там ещё мансарда есть, можно под кладовку использовать или под гостевую комнату.

Я слушала и не верила своим ушам. Дом? Новый? С удобствами? В моём воображении рисовалась покосившаяся избушка с удобствами на улице, печка-буржуйка и мыши в подполе.

— Пётр Ильич, — осторожно сказала я, — это правда так хорошо? Мне казалось, что деревенские ФАПы — это...

— Развалюхи с печным отоплением и ржавыми инструментами? — он рассмеялся. — Ну, где-то так и есть. Но нам повезло. Район развивается, предприятия работают, налоги платят. Плюс федеральные программы. Малиновский район не бедствует.

Он помолчал, потом добавил:

— Но это не значит, что будет легко. Работа в сельском ФАПе — это не поликлиника. Вы здесь будете и терапевтом, и хирургом, и акушером, и педиатром. Приём пациентов, выезды на дом, экстренные случаи. Иногда придётся принимать решения, от которых зависит жизнь человека, и помощи ждать неоткуда — скорая из Малиновки едет сорок минут, и это в лучшем случае. Справитесь?

Я встретила его взгляд прямо.

— Справлюсь.

— Хорошо, — Пётр Ильич кивнул. — Тогда предлагаю съездить в Медвежий Бор прямо сейчас. Посмотрите ФАП, дом, определитесь, что нужно докупить. А завтра-послезавтра — к работе. Первый месяц будете работать с куратором: у нас есть опытный фельдшер, Иван Степанович, он вас введёт в курс дела. А потом уже сами.

— Я готова.

— Вот и славно. Пойдёмте, подгоню УАЗ — на вашей легковушке туда не проехать, гравийку вчера дождём размыло.

Заодно посмотрите, на чём придётся работать.

***

УАЗ оказался именно таким, каким я его себе представляла — зелёный, угловатый, с брезентовым верхом и вечной грязью на колёсах. В салоне пахло бензином и старым дерматином. Пётр Ильич ловко забрался за руль, я села рядом.

— Ремень пристегните, — сказал он, поворачивая ключ зажигания. Двигатель затарахтел, как трактор. — Дорога та ещё.

Мы выехали из Малиновки и почти сразу свернули на гравийку. Асфальт закончился, началась та самая «дорога», о которой меня предупреждали: щебёнка, ямы, лужи, оставшиеся после вчерашнего дождя. УАЗ трясся и подпрыгивал на ухабах, но упрямо полз вперёд.

— Лучше, чем зимой, — философски заметил Пётр Ильич. — Зимой здесь сугробы в человеческий рост. Иной раз только на тракторе и пробиться можно.

Я смотрела в окно. Вокруг расстилалась тайга — бесконечная, величественная, равнодушная. Сосны, ели, изредка — берёзовые рощицы. Небо над головой было пронзительно-синим, и где-то высоко-высоко парила птица — может быть, орёл, а может, ястреб.

— Красиво, — сказала я тихо.

— Красиво, — согласился Пётр Ильич. — Я здесь тридцать лет живу, а всё не налюбуюсь. Знаете, Никитина, многие приезжают и уезжают. Месяц, два, полгода — и обратно,

в цивилизацию. А те, кто остаётся... — он помолчал, — те понимают, что цивилизация — это не торговые центры и не рестораны. Это вот это.

Он кивнул на тайгу за окном.

Я промолчала, но внутри что-то согласно отозвалось. Я не знала, останусь ли здесь надолго. Но впервые за долгое время я чувствовала, что дышу полной грудью.

Минут через сорок впереди показались первые признаки жилья — столбы линии электропередач, покосившийся забор, чья-то крыша среди деревьев.

— Почти приехали, — сказал Пётр Ильич.

Дорога вильнула, обогнула небольшой холм — и перед нами открылась деревня.

Медвежий Бор.

***

Первое, что бросилось в глаза — деревня не выглядела умирающей.

Я ожидала увидеть покосившиеся избы, заброшенные дворы, тишину и запустение. Но Медвежий Бор оказался совсем другим. Дома стояли крепкие, в основном деревянные, но попадались и кирпичные, и даже один или два обшитые сайдингом, с пластиковыми окнами. У многих дворов стояли машины — в основном отечественные, но были и пара иномарок.

Главная улица — широкая, хоть и без асфальта, — вела к центру деревни, где виднелось двухэтажное здание школы.

Рядом — детский сад, маленький, но ухоженный, с ярко раскрашенными качелями и песочницей. Чуть дальше — магазин с вывеской «Продукты» и ещё один, поменьше, с надписью «Хозтовары».

— У вас тут и школа есть? — удивилась я.

— А как же, — Пётр Ильич с гордостью кивнул. — И садик. Дети — это главное. Если есть дети, значит, деревня живёт. У нас тут и молодая семья учителей недавно приехала, и на ферме много молодых работает. Лесопилка Громова тоже даёт рабочие места.

Мы проехали мимо фермы — большого комплекса с коровниками, силосными башнями и тракторами во дворе. Пахло навозом и свежим сеном — запах был не противным, а каким-то... настоящим. Деревенским. Таким, какой я помнила из детства, когда мы с родителями ездили к бабушке в деревню.

За фермой, на окраине, виднелись корпуса лесопилки — высокие ангары из профнастила, штабеля брёвен, грузовики с лесом. В воздухе висел ровный, ритмичный гул пилорамы.

— Предприятие Громова, — пояснил Пётр Ильич. — Константин Андреевич — фигура здесь известная. Строгий, но дело знает.

Я рассеянно кивнула, не особо вслушиваясь. Мысли были заняты другим: вот он, Медвежий Бор. Место, где мне предстоит жить и работать.

Дорога свернула к окраине, и вскоре УАЗ остановился пе-

ред невысоким забором из свежеструганых досок.

— Приехали, — сказал Пётр Ильич.

Я выбралась из машины и замерла.

Передо мной стоял дом.

Настоящий бревенчатый дом — как с картинки, как из русской сказки. Сложенный из толстых, золотистых брёвен, с высокой крышей, крытой металлочерепицей, и резными наличниками на окнах. Окна были со ставнями — тёмно-зелёными, с коваными петлями. Крыльцо — широкое, с перилами и небольшим навесом.

Рядом с домом возвышалась пристройка — видимо, баня или сарай. И, что особенно поразило, я заметила трубы канализации, уходящие в землю, и аккуратный септик в углу участка.

— Нравится? — спросил Пётр Ильич, явно довольный произведённым эффектом.

— Это... это здесь? — выдавила я. — Я думала...

— Что будет изба-развалюха с печкой-буржуйкой? — он усмехнулся. — Я же говорил, у нас не бедствуют. Дом новый, построили вместе с ФАПом по той же программе. Строили на совесть — сами будете жить. Пойдёмте, посмотрите внутри.

Мы поднялись на крыльцо, и Пётр Ильич достал ключ. Дверь открылась легко, без скрипа — и я вошла внутрь.

В доме был один большой зал, совмещавший гостиную и кухню. Пол — деревянный, из широких досок, покрытых ла-

ком. Стены — всё те же золотистые брёвна. Окна — большие, пропускающие много света. У дальней стены стояла каменная печь — настоящая, с лежанкой и чугунной дверцей.

— Печка каменная, — прокомментировал Пётр Ильич. — Сложена по старинке, но с современной заслонкой. Держит тепло сутки. Зимой при минус сорока — самое то. И лежанка тёплая, на ней спать — одно удовольствие.

Я прошлась по залу. Кухонный угол был оборудован новой плитой, работающей от газового баллона, и небольшой мойкой из нержавейки. В углу стоял холодильник — не новый, но в рабочем состоянии.

— А это что? — я указала на дверь в углу.

— А это санузел. Смотрите.

Я открыла дверь и не поверила своим глазам. В небольшой, но чистой комнатке размещались унитаз, раковина и душевая кабина. Настоящая, современная душевая кабина. И всё это было подключено — я проверила кран, из него потекла вода.

— Горячая вода от бойлера, — пояснил Пётр Ильич. — Летом можно греть от солнца, поставили панели на крыше. А зимой — электричество.

— У вас тут... у вас тут канализация, — медленно проговорила я, всё ещё не веря. — В деревне. Канализация.

— А вы что думали, мы тут в проруби моемся? — Пётр Ильич рассмеялся. — Двадцать первый век на дворе, Никитина. У нас тут и интернет есть, между прочим. Не очень

быстрый, но для работы хватает. Телевизор вон, — он кивнул на полку в углу зала, где стоял небольшой телевизор с приставкой.

— Но я думала... — я запнулась. — Я готовилась к худшему.

— К худшему всегда полезно готовиться, — философски заметил Пётр Ильич. — Но иногда жизнь оказывается лучше ожиданий. Пойдёмте дальше.

Он указал на лестницу в углу. Я поднялась на мансарду — и снова была приятно удивлена. Это было просторное помещение с покатым потолком и большим окном в торце. Мансарда была пуста, но здесь можно было устроить спальню, или кабинет, или место для отдыха.

— Тут можно сделать спальню, — сказала я вслух, оглядываясь. — А внизу — гостиную.

— Вот именно, — согласился Пётр Ильич. — Места много. Для одного человека — с запасом.

Мы спустились вниз. Я снова обвела взглядом зал — и вдруг заметила то, что упустила в первый раз. На подоконнике стояла банка с засушенными полевыми цветами. На столе лежала новая скатерть — простая, в синюю клетку. На полке — несколько книг, оставленных, видимо, специально для меня.

— Это вы? — спросила я, показывая на скатерть.

Пётр Ильич смущённо кашлянул:

— Жена моя, Антонина Сергеевна. Она у меня — душа

компании. Узнала, что новая фельдшерица приезжает, и решила «обжить» немного. Вы уж простите, если что не так...

— Всё так, — перебила я и, к своему удивлению, почувствовала, как к горлу подступает ком. — Всё... очень хорошо. Спасибо.

Пётр Ильич кивнул и деликатно отвернулся, делая вид, что рассматривает печку. А я стояла и смотрела на эту скатерть в синюю клетку, на эти сухие цветы, на книги на полке — и чувствовала, как внутри что-то медленно, осторожно оттаивает.

Меня здесь ждали.

Обо мне позаботились, хотя ещё даже не знали меня. Какая-то женщина, которую я никогда не видела, постелила скатерть на стол и поставила цветы на подоконник, чтобы мне было уютно.

Впервые за много лет я почувствовала, что где-то может быть дом.

***

Фельдшерско-акушерский пункт находился буквально в трёх минутах ходьбы от дома — через дорогу и чуть правее. Это было небольшое, но современное здание из кирпича, с яркой вывеской и пандусом для колясок у входа.

Пётр Ильич открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Внутри было светло и пахло свежим ремонтом. Маленький, но аккуратный холл с парой стульев для ожидающих, стойка регистрации — правда, без регистратора, потому что

здесь фельдшер и регистратор в одном лице. Дальше — смотровой кабинет.

Я вошла внутрь и почувствовала, как сердце забилось быстрее. Здесь было всё, о чём может мечтать фельдшер: кушетка для пациентов, шкаф с медикаментами, кардиограф, дефибриллятор, портативный УЗИ-аппарат, тонометр, глюкометр. В углу — стерилизатор, рядом — умывальник с антисептиком. Всё новое, блестящее, упакованное.

— Боже мой, — прошептала я.

— Хорошо, правда? — Пётр Ильич явно гордился. — Оборудование закупали по федеральной программе два года назад. Всё работает — я лично проверял. Расходников хватит на первое время, потом придется забирать.

Я прошлась по кабинету, касаясь пальцами приборов. Кардиограф — такая же модель, на какой я училась в колледже. Дефибриллятор — автоматический, с голосовыми подсказками. УЗИ — портативный, но с хорошим разрешением.

— Здесь есть даже гинекологическое кресло, — заметила я, заглянув за ширму.

— А как же. Вы же фельдшер-акушер, в том числе. Роды, женские консультации — это ваша обязанность.

Я кивнула, всё ещё переваривая увиденное. В соседнем помещении обнаружилась процедурная — с кушеткой для капельниц, штативом и полным набором инструментов. В подсобке — холодильник для вакцин, запасы бинтов, перчаток, масок. В углу стоял небольшой письменный стол и ком-

пьютер.

— Здесь будете вести документацию, — пояснил Пётр Ильич. — Компьютер подключён к интернету, есть доступ к областной базе. Если что-то серьёзное — всегда можете связаться с нашей больницей или даже с областными специалистами по телемедицине.

Я стояла посреди этого маленького, но такого хорошо оборудованного медпункта, и чувствовала себя... странно. Словно попала в параллельную реальность, где в российской глубинке есть всё для нормальной работы.

— Я ожидала совсем другого, — честно призналась я.

— Я уже понял, — Пётр Ильич улыбнулся в бороду. — У вас было такое лицо, когда вы дом увидели... Кстати, насчёт дома. Вы заметили ставни на окнах?

— Да. Зачем они? Для красоты?

— Ну, не совсем, — он подошёл к окну ФАПа и указал на ставни на моём доме через дорогу. — Ставни в Сибири — это не украшение. Во-первых, зимой они защищают окна от ветра. У нас такие метели бывают — не дай бог. Во-вторых, от медведей.

— От медведей? — я чуть не поперхнулась.

— А вы думали, почему деревня называется Медвежий Бор? — Пётр Ильич усмехнулся. — Они сюда захаживают иногда, особенно осенью, когда голодные. В дома не лезут, но если окна открыты и свет горит — могут заинтересоваться. Так что ставни — вещь практическая. На ночь закрывай-

те обязательно.

Я медленно кивнула. Медведи. Ну да. Медвежий Бор.

— Ещё вопросы? — спросил Пётр Ильич.

— Когда я могу приступить к работе?

— А когда хотите?

Я задумалась. Осмотрелась ещё раз — дом, ФАП, окрестности.

— Мне нужно обустроиться, — сказала я. — Купить продукты, какие-то мелочи для дома. Вы говорили, что нужно затариться всем необходимым на первое время.

— Ну да. Магазин у вас тут один, и ассортимент там небогатый. Молоко, яйца, хлеб — это местное, свежее, дешёвое. А вот всё остальное лучше привезти из Малиновки. Если не хотите потом каждую неделю мотаться.

— Тогда так, — решила я. — Сейчас я вернусь в Малиновку, переночую там, а завтра с утра закуплю всё необходимое и приеду сюда. Дня два на обустройство — и могу начинать.

— Отлично, — Пётр Ильич кивнул. — Значит, через три дня приступаете. Я предупрежу Ивана Степаныча, вашего куратора. Он будет с вами первый месяц — покажет, что и как, расскажет о пациентах, объяснит местную специфику.

— Местную специфику?

— Ну, — заведующий немного замялся, — у каждого пациента свои особенности. Кто-то любит поговорить, кто-то скрывает симптомы, кто-то лечится травами и только в край-

нем случае идёт к врачу. Степаныч всех знает, он здесь тридцать лет работает. С ним вам будет проще.

Я кивнула, хотя внутри чувствовала лёгкое волнение. Тридцать лет — это большой срок. Что, если Иван Степанович окажется старым брюзгой, который не примет молодую фельдшерицу? Что, если пациенты не будут мне доверять? Что, если я не справлюсь?

— Не дрейфьте, Никитина, — Пётр Ильич словно прочитал мои мысли. — Справитесь. Вы не первая и не последняя. А теперь — поехали обратно, пока не стемнело. Дорогу вы уже видели, лучше проезжать её засветло.

***

Обратная дорога прошла быстрее — может быть, потому что я уже знала, куда еду, а может, потому что голова была занята планами.

Я достала телефон и начала составлять список необходимого. В Малиновке, судя по тому, что я видела, можно купить почти всё. Но нужно было продумать каждую мелочь, чтобы потом не возвращаться.

«Продукты, — писала я. — Мука, сахар, соль, крупы, макароны, масло растительное, консервы, чай, кофе. Молоко, яйца, мясо — по приезду на месте. Овощи, фрукты».

«Хозтовары: стиральный порошок, мыло, шампунь, чистящие средства, губки, тряпки. Лампочки запасные. Батарейки. Свечи — на случай отключения электричества. Фонарь».

«Для дома: постельное бельё — минимум два комплекта. Полотенца. Посуда — тарелки, кружки, ложки, вилки, кастрюля, сковорода, чайник. Тазы, вёдра».

Список рос и рос. В какой-то момент я поняла, что он уже занимает три экрана, а я всё ещё не дошла до самого важного.

«Одежда тёплая — зима близко.Валенки, пуховик, шапка, варежки. Термобельё».

«Спички. Топор. Лопата».

Я остановилась и перечитала последние пункты. Топор. Лопата. Господи, куда я еду? Но потом вспомнила слова Петра Ильича о сугробах в человеческий рост — и продолжила список.

«Цепь противоскольжения на колёса».

«Лыжи?»

На этом месте я засмеялась. Я представила себя — на лыжах, с медицинским чемоданчиком за спиной, бегущую через заснеженный лес к пациенту. Картина была до того нелепой и в то же время... правильной, что я снова улыбнулась.

— Что, Никитина, план уже составляете? — спросил Пётр Ильич, покосившись на меня.

— Да. Список покупок.

— Дело хорошее. В Малиновке есть хозяйственный магазин, «Всё для дома» называется. И супермаркет, и даже магазин одежды. Затаритесь под завязку.

Оставшуюся дорогу мы ехали молча. Я смотрела в окно на

проплывающие мимо леса и думала о том, какой будет моя жизнь здесь. Я не строила иллюзий — будет трудно. Будет холодно зимой, одиноко по вечерам, страшно в экстренных случаях. Но это всё равно будет моя жизнь. Не та, которую пытались выстроить за меня отец, мачеха и Настя. Не та, в которой Андрей считал себя вправе распоряжаться мной.

Моя собственная.

Когда мы въехали в Малиновку, уже смеркалось. Пётр Ильич подбросил меня до гостиницы при больнице — небольшого двухэтажного здания, где останавливались приезжие специалисты.

— Располагайтесь, — сказал он, протягивая мне ключ. — Завтра в любое время зайдите в бухгалтерию, оформите документы на подъёмные. И насчёт закупок — если нужна будет помощь, скажите, кого-нибудь пришлю.

— Спасибо, Пётр Ильич.

— Не за что. Добро пожаловать в Малиновский район, Алиса Романовна.

Он уехал, а я осталась стоять на крыльце гостиницы, глядя, как габаритные огни УАЗа исчезают в сумерках. Воздух был прохладным и чистым, полным запахов хвои и речной воды. Где-то вдалеке лаяла собака. С реки доносился плеск — может быть, рыба играла, а может, просто течение.

Я глубоко вдохнула.

— Ну вот, — сказала я сама себе. — Ты на месте, Алиса.

В ту ночь я уснула быстро — сказались трое суток доро-

ги и бесконечные переживания последних недель. Мне снилась тайга. Огромная, безмолвная, полная тайн. И где-то в глубине её, среди высоких сосен, стоял бревенчатый дом с зелёными ставнями.

Мой дом.

3 глава.

Алиса.

Следующие два дня пролетели как одно мгновение.

Я закупилась в Малиновке основательно — так, словно собиралась пережидать зиму в осаждённой крепости. Супермаркет «Малиновский» оказался на удивление приличным: я набрала круп, макарон, сахара, муки, соли и прочей бакалеи на несколько месяцев вперёд. В хозяйственном магазине приобрела всё, что значилось в моём списке, и даже сверх того — от мотка верёвки до керосиновой лампы, которую продавщица, пожилая женщина с добрыми глазами, посоветовала взять обязательно.

— Электричество-то у вас в Медвежьем Бору хорошее, — сказала она, пробивая покупки. — Но зимой бураны бывают, провода рвёт. Бывает, по два-три дня без света сидят. А с керосинкой-то оно спокойнее.

Я поблагодарила и взяла лампу, а заодно и канистру керосина.

К вечеру пятницы моя машина была забита под завязку. Я прощалась с Малиновкой до следующего раза — когда он будет, неизвестно.

Дорога до Медвежьего Бора в этот раз показалась короче. Может, потому что я была за рулём своей машины, а не тряслась в УАЗе. А может, потому что теперь я ехала не в

неизвестность, а в собственный дом.

Дом встретил меня тишиной и запахом свежего дерева.

Я разгружала машину до самого вечера. Коробки и сумки занимали весь пол в зале, но я не торопилась раскладывать вещи — сначала хотелось расставить всё по-своему. Постельное бельё отправилось на мансарду, где я решила устроить спальню. Посуда заняла место на кухонных полках. Книги я расставила на стеллаже, который нашёлся в пристройке — видимо, его тоже оставили специально для меня.

Каменная печь оказалась настоящим произведением искусства. Я рассмотрела её внимательнее: сложена из серого камня, с широкой лежанкой наверху и вместительной топкой. Рядом, в специальной нише, лежали дрова — сухие, берёзовые, аккуратно наколотые. Кто-то позаботился и об этом.

К ночи я настолько вымоталась, что просто рухнула на кровать на мансарде, даже не расправив толком постель. За окном стрекотали сверчки, и этот звук был таким мирным, таким далёким от шума большого города, что я уснула за считанные минуты.

Суббота ушла на обустройство.

Я перемыла все полы, протёрла окна, разложила вещи по местам. На подоконник поставила горшок с геранью, купленный в Малиновке, — пусть будет что-то живое, кроме меня. На стол постелила скатерть в синюю клетку, ту самую, что оставила жена Петра Ильича. На стены повесила несколько

фотографий — мама, я в детстве, наш старый дом.

Настиных фотографий не было. Отцовских — тоже. Я не взяла их с собой.

К вечеру субботы дом стал по-настоящему моим. Я сидела на крыльце, пила чай из новой кружки и смотрела, как солнце садится за тайгой. В деревне было тихо — только где-то вдалеке мычали коровы на ферме да ритмично гудела лесопилка.

— Ничего, — сказала я себе. — Справимся.

***

Понедельник начался рано.

Я проснулась в шесть, когда солнце только-только показалось над горизонтом. Приняла душ — горячая вода была, бойлер работал исправно, — оделась в свежевыглаженный белый халат, который аккуратно висел на спинке стула. Позавтракала овсянкой с чаем.

В семь сорок пять я уже стояла у дверей ФАПа, сжимая в руках ключ, который выдал мне Пётр Ильич.

В восемь должна была начаться моя первая смена.

Ровно в восемь я открыла дверь. ФАП встретил меня тишиной и запахом антисептиков. Я включила свет, прошлась по кабинетам, проверила оборудование. Всё было на месте, всё работало. Я включила компьютер, открыла программу для ведения документации. Пока пациентов не было, нужно разобраться с интерфейсом.

В половине девятого за дверью послышались шаги.

Я поднялась, поправила халат и приготовилась встречать первого пациента. Но дверь открылась, и на пороге возник вовсе не пациент.

Это был мужчина лет шестидесяти, невысокий, но крепкий, с обветренным лицом и добрыми голубыми глазами. Одет он был не в белый халат, а в простую рубашку и брюки, но в руках держал медицинский чемоданчик. На голове — слегка помятая фетровая шляпа, которую он снял, едва переступив порог.

— Никитина? — спросил он, и голос его оказался на удивление мягким, с лёгкой хрипотцой.

— Да. Алиса Романовна. А вы...

— Иван Степанович, — он шагнул вперёд и протянул руку. — Ваш куратор. Ну, или наставник, как сейчас модно говорить. Пётр Ильич меня предупредил. Сказал — молодая, толковая, красный диплом. Редкая птица в наших краях.

Я пожала ему руку. Ладонь была сухой и тёплой, как у всех пожилых врачей.

— Присаживайтесь, — я указала на стул. — Чаю?

— Не откажусь, — он улыбнулся, и улыбка эта преобразила его лицо, сделав почти мальчишеским. — У вас тут, я смотрю, уже всё обустроено?

— Да, я в субботу и воскресенье разбиралась, — я включила чайник. — ФАП замечательный. Честно говоря, я ожидала худшего.

— Все ожидают худшего, — философски заметил Иван

Степанович. — А приезжают — и удивляются. Вы уж простите, Алиса Романовна, но обычно такие, как вы, больше трёх месяцев не выдерживают.

— Такие, как я?

— Молодые. Городские. С красными дипломами, — он посмотрел на меня внимательно, но без осуждения. — Я тридцать лет здесь работаю. Повидал всяких. Приезжают, глаза горят, хотят помогать людям. А потом — раз, и сдулись. Зима, холод, оторванность, тяжёлые пациенты. И через три месяца — заявление об увольнении.

Я промолчала. Чайник закипел, я разлила кипяток по кружкам.

— Но вы не обижайтесь, — продолжал Иван Степанович, принимая кружку. — Я не к тому, что вы такая же. Может, и нет. Просто предупреждаю: здесь нелегко. Здесь нужнобыть сильной. Очень сильной.

— Я справлюсь, — сказала я, и это прозвучало твёрже, чем я ожидала.

Иван Степанович посмотрел на меня долгим взглядом и вдруг кивнул — как будто что-то для себя решил.

— Ну-ну, — сказал он. — Тогда давайте приступим. Расскажу, что и как.

***

Следующие два часа Иван Степанович посвятил тому, что вводил меня в курс дела.

Мы обошли весь ФАП, и он показал мне то, что я уже ви-

дела, но теперь — с комментариями практика, а не заведующего.

— Кардиограф — хорошая машина, но плёнку берегите, — говорил он. — Запас небольшой, а новую заказывать — пока довезут... Так что снимайте только когда действительно нужно. То же с глюкометром — тест-полоски экономить.

— А лекарства? — спросила я.

— Лекарства приходят из района раз в месяц. Список общий, но я обычно добавляю то, что нужно конкретным пациентам. У нас тут диабетики есть, гипертоники, сердечники. Запасы держу всегда. И вот ещё что, — он открыл шкаф и показал мне несколько ампул. — Налоксон. Здесь бывает, что мужики пьют всякую дрянь. Передозировка опиатами — редкость, но случается. Должны быть готовы.

Я запоминала каждое слово. Это была не теория из учебников — это была практика, живая и настоящая.

Потом Иван Степанович достал потрёпанную тетрадь в клетку.

— Здесь список всех пациентов. Всего двести восемьдесят четыре человека. Дети, взрослые, старики. Хроники отмечены красным. Аллергики — синим. Беременные — зелёным. Я веду его от руки, компьютер не очень жалую, но вы можете перенести в электронный вид.

Я пролистала тетрадь. Почерк у Ивана Степановича был аккуратный, почти каллиграфический. Против каждой фамилии — дата рождения, адрес, диагноз, назначения, даты

последних приёмов.

— Здесь вся история, — тихо сказала я.

— Здесь вся жизнь, — поправил он. — Тридцать лет жизни. Я каждого из них знаю с детства. Многих — с рождения. Принимал роды у их матерей, лечил их от кори, штопал им коленки. А теперь они ко мне своих детей приводят.

Он замолчал, и я увидела в его глазах что-то тёплое, почти отцовское.

— Вы для них — не просто фельдшер, Алиса Романовна, — сказал он тихо. — Вы для них — врач, священник и психолог в одном лице. Они будут приходить к вам не только за таблетками. Они будут приходить, когда им страшно, когда одиноко, когда нужно выплакаться. Вы должны быть к этому готовы.

— Я понимаю.

— Хорошо. Тогда продолжим.

Мы ещё долго сидели над тетрадью — Иван Степанович рассказывал о самых сложных пациентах, о тех, кто требует особого внимания, о тех, кто скрывает симптомы, и о тех, кто, наоборот, паникует из-за любого чиха. Я записывала, запоминала, задавала вопросы.

К полудню в дверь постучали — пришла первая пациентка. Пожилая женщина с высоким давлением. Иван Степанович отошёл в сторону, давая мне вести приём самостоятельно.

Я измерила давление, опросила пациентку, скорректиро-

вала лекарства. Женщина — её звали Мария Петровна — смотрела на меня с любопытством, но в целом была настроена дружелюбно.

— Молоденькая какая, — сказала она, уходя. — Но серьёзная. Это хорошо. Степаныч-то наш старый уже, замена ему нужна.

Иван Степанович, услышав это, только усмехнулся.

До самого обеда мы приняли ещё несколько пациентов — в основном пожилых, с хроническими заболеваниями. Я работала, а Иван Степанович наблюдал, изредка подсказывая или уточняя. К моему удивлению, он почти не вмешивался — только когда совсем нужно было.

— Ну что, — сказал он, когда в начале третьего поток пациентов иссяк. — Для первого дня неплохо. Очень неплохо. Чувствуется школа.

— Спасибо.

— На сегодня, думаю, хватит. Если что — я в соседнем доме, у меня там комната, когда я здесь ночую. Звоните в любое время.

***

Звонок раздался в четверть четвёртого.

Я как раз наводила порядок в смотровом кабинете, раскладывая инструменты по местам. Телефон на столе завибрировал — и следующий звук, который я услышала, заставил моё сердце замереть.

— ФАП! — мужской голос в трубке был взволнованным,

даже испуганным. — Это с лесопилки! У нас рабочий, руку распороло! Кровь хлещет, мы жгут наложили, но он бледный уже! Фельдшера!

— Я сейчас буду, — ответила я, уже хватая медицинский чемоданчик. — Держите жгут, ничего не меняйте. Через сколько вы наложили?

— Минут десять назад! Жгут из аптечки, нормальный!

— Отлично, ослаблять не надо. Ждите.

Я бросила трубку и метнулась к шкафу. Кровоостанавливающие, бинты, перевязочные материалы, раствор для инфузий. Всё это полетело в чемоданчик. Параллельно я набрала номер Ивана Степановича.

— Алло?

— Иван Степанович, у меня вызов на лесопилку. Рабочий, кровотечение, предположительно артериальное. Жгут наложен десять минут назад. Мне нужна помощь.

— Бегу, — коротко ответил он. — Ждите у ФАПа, вместе пойдём.

Через три минуты мы уже мчались по деревне. Лесопилка находилась на другом конце Медвежьего Бора, и дорога туда заняла минут семь быстрым шагом. Иван Степанович, несмотря на возраст, двигался почти бегом, и я едва поспевала за ним.

Ворота лесопилки были распахнуты. Нас встретил мужчина в рабочей одежде и, не говоря ни слова, повёл внутрь.

В цеху стоял тяжёлый запах древесины, бензина и чего-то

ещё — резкого, металлического. Крови.

Пострадавший сидел на полу, привалившись спиной к штабелю досок. Это был молодой парень — лет двадцать пять, не больше. Лицо белое как мел, губы синие. На правом предплечье, чуть ниже локтя, был наложен резиновый жгут. Ниже жгута рукав спецовки был разрезан, и я увидела рану — глубокую, рваную, из которой толчками вытекала тёмная кровь.

Артериальное кровотечение. Жгут замедлил его, но не остановил полностью.

— Когда наложили? — отрывисто спросила я, опускаясь на колени рядом с раненым.

— Минут двадцать назад, — ответил кто-то из рабочих.

— Хорошо.

Я открыла чемоданчик и начала действовать. Руки работали сами — сказывались годы тренировок в колледже, бесконечные часы на практике, экзамены по неотложной помощи.

— Иван Степанович, давящую повязку. Я ослабляю жгут.

Он кивнул и приготовил бинты. Я аккуратно ослабила жгут — кровь снова пошла толчками, но не так сильно. Иван Степанович быстро и умело наложил давящую повязку, туго забинтовал.

— Пульс на запястье? — спросила я.

— Слабый, но есть. Кровотечение остановлено.

Я выдохнула. Самый опасный момент миновал. Теперь

нужно было stabilise пациента и готовить к транспортировке.

— Как тебя зовут? — спросила я раненого.

— Серёга, — еле слышно ответил он.

— Сергей, вы меня слышите? Вы потеряли много крови, но сейчас всё нормально. Я сейчас поставлю капельницу и вызову скорую. Вы меня поняли?

Он слабо кивнул.

— Что произошло? — спросила я, одновременно доставая раствор для инфузий.

— Дисковой пилой, — хмуро ответил один из рабочих. — Заготовку повело, он руку не убрал вовремя. Хорошо, по касательной прошло, а то бы вообще...

Я кивнула и ловко поставила капельницу. Иван Степанович тем временем уже набирал номер скорой помощи в Малиновке.

— Скорая выезжает, — доложил он через минуту. — Будут здесь через сорок минут, не раньше.

— Сорок минут, — повторила я. —Сергей, слышите? Потерпите. Сорок минут, и вас отвезут в больницу.

Он закрыл глаза, но пульс оставался стабильным. Я проверила повязку — кровь не проступала. Капельница капала ровно.

— Хорошая работа, — тихо сказал Иван Степанович. — Быстро, чётко, без паники. Поздравляю с первым экстренным случаем.

Я не ответила. Меня всё ещё била мелкая дрожь — запоз-

далая реакция на стресс.

И тут я услышала шаги за спиной. Тяжёлые, уверенные.

— Что здесь происходит?

Голос был низким, с металлическими нотками — таким голосом не просят, а требуют ответа.

Я обернулась.

***

Он стоял в проёме ворот, и на мгновение мне показалось, что в цеху стало темнее — так много пространства занимала его фигура. Высокий, широкоплечий, в тёмной рубашке с закатанными рукавами, открывавшими сильные, жилистые предплечья. Тёмные волосы — чуть длиннее, чем принято носить в городе, — слегка растрёпаны. На правой щеке, пересекая бровь и уходя к скуле, тянулся шрам — старый, побелевший от времени, но всё ещё заметный.

Константин Громов.

Я узнала его сразу — по описанию Петра Ильича, по тому, как замерли рабочие, по тому, как сам воздух вокруг словно сгустился.

Ему было тридцать четыре, но выглядел он старше — не из-за морщин, а из-за того особого выражения лица, которое бывает у людей, привыкших нести ответственность. Выражение это было твёрдым, испытующим, требовательным.

— Что здесь происходит? — повторил он, и его взгляд остановился на мне. — Вы кто?

— Фельдшер, — ответила я, поднимаясь с колен. — Али-

са Романовна Никитина. Новый фельдшер Медвежьего Бора.

Он перевёл взгляд на Серёгу, на капельницу, на повязку. Потом снова на меня. В его глазах читалось недоверие — и что-то ещё, похожее на раздражение.

— Я знаю Степаныча, — сказал он, кивнув на Ивана Степановича. — А вас не знаю. Почему мне не доложили, что в ФАПе новый сотрудник?

— Константин Андреевич, — примирительно начал Иван Степанович, но Громов прервал его:

— Почему на моём предприятии работает человек, о котором я ничего не знаю? У вас есть допуск? Лицензия? Вы вообще кто по образованию?

Я почувствовала, как внутри закипает раздражение, но заставила себя ответить спокойно:

— У меня красный диплом фельдшера и действующая аккредитация. Документы в порядке. Я назначена на должность приказом по Малиновской районной больнице. Если хотите, можете позвонить Петру Ильичу и уточнить.

— Обязательно позвоню, — отрезал он. — А пока — вы оказываете помощь моему рабочему без моего ведома.

— Без вашего ведома? — я не выдержала. — Человек истекал кровью. Ему нужна была экстренная помощь. Я что, должна была сначала спросить у вас разрешения?

В цеху повисла тишина. Рабочие замерли, переводя взгляды с меня на Громова и обратно. Иван Степанович кашля-

нул, явно желая вмешаться, но не решаясь.

Громов сделал шаг вперёд.

— Послушайте, — сказал он, и голос его стал ниже, жёстче. — Это моё предприятие. Здесь работают мои люди. Я отвечаю за их безопасность. И когда на территории появляется посторонний человек — я имею право знать, кто это и на каком основании.

— Посторонний? — я шагнула ему навстречу, хотя внутренне сжалась. Он был выше меня на голову, и взгляд его давил, как бетонная плита. — Я не посторонняя. Я — фельдшер, которого вызвали, чтобы спасти жизнь вашему рабочему. И если бы вы хоть немного заботились о безопасности своих людей, вы бы знали, кто работает в местном ФАПе.

Глаза Громова сузились. Шрам на щеке побелел сильнее — видимо, от напряжения.

— Вы дерзкая, — сказал он, и было непонятно, чего в его голосе больше — угрозы или удивления.

— Я компетентная, — ответила я. — И сейчас я занята пациентом, если вы не заметили. Если у вас есть вопросы — задайте их после того, как Сергея отвезут в больницу.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга в упор. В его глазах бушевала буря — я видела это по тому, как дрогнула жилка на виске. Но он сдержался. Медленно выдохнул и кивнул:

— Хорошо. После. И Степаныч пусть присутствует.

Он развернулся и вышел из цеха. Его шаги затихли в отда-

лении, и только тогда я поняла, что всё это время не дышала.

— Ну, — тихо сказал Иван Степанович, — вы только что устроили перепалку с Константином Громовым. Поздравляю. Не каждый решится.

— Я не собираюсь прогибаться перед каждым, кто повышает на меня голос, — ответила я, снова опускаясь к Сергею. — Как вы, Сергей?

— Нормально, — прошептал он, и на его бледных губах мелькнуло подобие улыбки. — Вы это... смелая. Громову никто так не отвечает.

— Значит, будет знать, что так тоже можно.

Я проверила пульс и повязку. Всё было стабильно. Оставалось ждать скорую.

Скорая приехала через тридцать пять минут — на удивление быстро. Два фельдшера с носилками быстро погрузили Сергея в машину. Я передала им свои записи — что сделано, какие препараты введены, показатели. Старший фельдшер кивнул, одобрительно хмыкнул и, не сказав ни слова, сел в машину.

Через минуту скорая уехала, и двор лесопилки опустел.

— Пойдёмте, — сказал Иван Степанович, беря меня под локоть. — Вам нужно отдохнуть. И да, Громов вас ещё вызовет, это точно. Но сегодня вы сделали всё правильно. Всё.

Я кивнула, но сил отвечать уже не было.

Вечер опустился на Медвежий Бор, тихий и спокойный, словно ничего не случилось. Но я знала — это только начало.

***

Домой я вернулась около семи вечера.

Солнце ещё не село, но уже клонилось к горизонту, заливая деревню золотистым светом. Я вошла в дом, скинула кроссовки и какое-то время просто стояла посреди зала, не в силах пошевелиться.

Адреналин отпустил, и на его месте осталась только свинцовая усталость.

Я опустилась на стул, потом передумала и забралась на лежанку печи. Камни были тёплыми — видимо, солнце нагревало их через крышу. Я прижалась к ним щекой и закрыла глаза.

Первый рабочий день. Первый пациент. Первый экстренный вызов. Первое кровотечение. И первый конфликт с Громовым.

Всё это навалилось разом, и я чувствовала, как внутри что-то дрожит — не страх, нет. Скорее осознание масштаба того, во что я ввязалась.

Я думала, что еду в тихую, затухающую деревню, где самые серьёзные случаи — это давление у бабушек и насморк у детей. А вместо этого в первый же день я остановила артериальное кровотечение у молодого парня, которого едва не убило дисковой пилой.

И это был только понедельник.

Я открыла глаза и уставилась в потолок. Деревянные балки, тёмные от времени, тянулись через весь дом. Где-то на

чердаке шуршало — может, мышь, а может, птица свила гнездо. За окнами стрекотали сверчки. Вдалеке всё ещё гудела лесопилка — там, видимо, работали допоздна.

Лесопилка Громова.

Я вспомнила его лицо — жёсткое, со шрамом, пересекающим бровь. Вспомнила, как он повысил на меня голос, как смотрел — словно я была пустым местом, досадной помехой, которую нужно устранить. И то, как дрогнула жилка на его виске, когда я ответила.

«Вы дерзкая», — сказал он.

А что я должна была делать? Кланяться? Извиняться за то, что делаю свою работу? Нет. Я больше ни перед кем не буду прогибаться. Хватит с меня Андрея, хватит с меня мачехи, хватит с меня отца, который называл меня неблагодарной за то, что я пыталась защитить себя.

Я заслужила право говорить в полный голос. И если Громов этого не понимает — это его проблемы.

Я встала, разожгла печь — не потому что было холодно, а просто чтобы занять руки. Дрова занялись быстро, затрещали, и вскоре по дому разлилось приятное тепло. Я поставила чайник и, пока он закипал, перебирала в памяти события дня.

Серёга. Молодой парень, почти мой ровесник. Если бы жгут наложили неправильно, если бы скорая задержалась, если бы я растерялась... Всё могло закончиться иначе. Но всё закончилось хорошо, он будет жить, и это главное.

Я налила себе чаю и снова села к печке.

— Мама, — тихо сказала я, глядя на огонь, — я справилась. Ты бы мной гордилась.

Пламя тихо потрескивало, словно отвечая мне.

Я допила чай, проверила замки на дверях, закрыла ставни — помня наказ Петра Ильича о медведях — и поднялась на мансарду. Тело гудело от усталости, но на душе было странно спокойно.

Первый день позади.

Завтра будет второй.

4 глава.

Алиса.

Первый месяц работы в Медвежьем Бору пролетел стремительно, словно горная река весной — бурно, непредсказимо, с множеством порогов и водоворотов. Каждый день приносил что-то новое, и я впитывала всё, как губка, стараясь не упустить ни одной детали.

Иван Степанович оказался наставником строгим, но справедливым. Он не делал скидок на мою молодость и неопытность — наоборот, требовал от меня полной самоотдачи, порой больше, чем я сама от себя ожидала.

— Алиса Романовна, давление вы измерили, а пульс на обеих руках проверили? — спрашивал он, стоя у меня за спиной во время приёма. Требовал от меня полной самоотдачи, порой больше, чем я сама от себя ожидала.

— Алиса Романовна, давление вы измерили, а пульс на обеих руках проверили? — спрашивал он, стоя у меня за спиной во время приёма.

— Нет, но...

— А стоило бы. У бабы Клавы аритмия мерцательная, ей пульс на обеих руках мерить надо, иначе картину не увидите. Давайте-ка теперь.

И я мерила. И на обеих руках. И записывала результаты в карту.

— Алиса Романовна, вы ребёнку горло посмотрели шпателем, а уши? Отиты у детей часто с ангиной идут, одно лечите, другое пропускаете. Доктор Комаровский, — он усмехнулся, — ещё в девяностых об этом писал.

И я смотрела уши. И находила начинающийся отит у трёхлетнего Пашки, сына доярки с фермы.

Постепенно я поняла его метод: он не просто учил меня правильно работать — он учил меня думать. Смотреть шире, замечать неочевидное, не доверять первому впечатлению. Годы практики в сельской местности научили его тому, чего не было ни в одном учебнике.

К концу первой недели я уже знала всех хронических больных — тех, кто приходил на приём регулярно. Баба Клава с мерцательной аритмией, дед Матвей с диабетом второго типа, молодая мама Света с бронхиальной астмой, тракторист Петрович с радикулитом, который обострялся каждый раз, когда он перетаскивал что-то тяжёлое.

К концу второй недели я знала их не только как пациентов, но и как людей. Баба Клава приносила мне пирожки с капустой и подолгу рассказывала о внуке, который уехал в город и не звонит. Дед Матвей делился секретами самогоноварения, хотя я строго-настрого запрещала ему пить при диабете. Света приводила на осмотр своего карапуза и жаловалась, что муж опять уехал на вахту.

— Здесь по-другому, — сказал мне Иван Степанович в конце второй недели, когда мы сидели в ФАПе после приёма

и пили чай. — В городе пациент пришёл, полечился, ушёл — и вы его больше не видите. А здесь вы его каждый день встречаете. В магазине, на улице, на ферме. Вы с ним живёте. И это меняет отношение к работе. Вы лечите не болезнь — вы лечите человека, которого знаете лично.

— Справляюсь? — спросила я.

— Справляетесь, — кивнул он. — Лучше, чем я ожидал, если честно. У вас руки хорошие и голова на плечах. А главное — вы людей не боитесь. Это редкость.

На третьей неделе случилось моё первое самостоятельное дежурство. Иван Степанович уехал в Малиновку по делам — нужно было подписать какие-то бумаги в больнице, — и я осталась в ФАПе одна на целый день.

Именно в этот день, словно по закону подлости, случилось сразу три вызова подряд. Сначала — баба Клава, у которой резко подскочило давление. Я примчалась к ней домой, сняла кардиограмму, дала лекарство и просидела рядом час, пока давление не нормализовалось. Потом — мальчишка с фермы, упал с велосипеда и рассадил колено. Я промыла рану, наложила швы — три стежка, — успокоила рёв и отправила домой с леденцом. А вечером пришла Света — у неё начался астматический приступ, и я добрых полчаса боролась за её дыхание, прежде чем хрипы стихли.

Когда Иван Степанович вернулся вечером, я сидела на крыльце ФАПа, пила остывший чай и смотрела на закат.

— Ну, как день? — спросил он.

— Нормально, — ответила я.

— А подробнее?

Я перечислила всё, что случилось. Он слушал молча, а потом крякнул и сказал:

— А говорили — городская. Три вызова за день, включая астматический приступ и малую хирургию. И сидит, чаёк попивает. Да вы, Алиса Романовна, прирождённый сельский фельдшер.

Эти слова я запомнила надолго. Они значили для меня больше, чем все оценки в дипломе, вместе взятые.

***

Четвёртая неделя стала последней неделей моего ученичества. Иван Степанович всё реже вмешивался в мою работу, всё чаще уходил в соседнюю комнату, оставляя меня с пациентами один на один. Он говорил, что это лучший способ научиться — просто делать.

— Теория без практики мертва, — любил повторять он. — А практика без ошибок невозможна. Ошибайтесь, Алиса Романовна. Только не фатально.

В пятницу он собрал свой чемоданчик, надел шляпу и сказал:

— Ну, вот и всё. С понедельника — вы самостоятельный фельдшер Медвежьего Бора. Я буду в Малиновке, но если что — телефон у вас есть. Звоните в любое время дня и ночи.

— Спасибо вам, Иван Степанович, — сказала я, и голос мой дрогнул. — За всё.

— Не благодарите, — он махнул рукой. — Это моя работа. А вы... вы хорошая смена. Я рад, что именно вы приехали. Честно.

Он ушёл, а я осталась стоять на пороге ФАПа, глядя, как его невысокая фигура в фетровой шляпе удаляется по дороге. Первый месяц закончился. Дальше — всё сама.

В тот вечер я вернулась домой и долго сидела у печки, глядя на огонь. Мне было страшно. Я не признавалась в этом Ивану Степановичу, не признавалась Петру Ильичу, не признавалась даже себе, но сейчас, оставшись одна, я могла честно сказать: мне страшно.

Страшно, что я не справлюсь. Что пропущу что-то важное. Что поставлю неправильный диагноз, назначу не то лекарство, не успею, не смогу. И за этими страхами стояли лица моих пациентов — бабы Клавы, деда Матвея, Светы с её карапузом, мальчишки с разбитым коленом.

Я отвечала за них. За их здоровье, за их жизни. И эта ответственность давила на плечи тяжёлым грузом.

Но вместе со страхом я чувствовала что-то ещё — тёплое, упрямое, не желающее сдаваться. Я хотела быть здесь. Хотела помогать этим людям. Хотела доказать — и им, и себе, и всем, кто остался в прошлом, — что я справлюсь.

Я заварила чай, взяла тетрадь Ивана Степановича и ещё раз перечитала все записи. Потом открыла компьютер и перенесла данные в электронную базу. Потом проверила лекарства, инструменты, оборудование. К полуночи я знала ФАП

как свои пять пальцев.

Утром понедельника я проснулась сама, без будильника, ровно в шесть. Приняла душ, надела чистый халат, выпила кофе. Солнце только поднималось над тайгой, заливая деревню нежным розовым светом. Воздух был прозрачным и прохладным — осень ещё не вступила в свои права, но дыхание её уже чувствовалось.

Ровно в восемь я открыла дверь ФАПа и перевернула табличку с «Закрыто» на «Открыто».

Первый день самостоятельной работы начался.

***

Прошло около двух недель моей самостоятельной работы.

Жизнь постепенно входила в колею. Я вела приём по утрам, в обед закрывала ФАП на час, вечером подбивала документацию. Вызовы случались не каждый день, но когда случались — я была готова. Иван Степанович звонил через день, справлялся о делах, давал советы.

И вот однажды, в середине октября, когда за окном уже кружились первые редкие снежинки — предвестники скорой зимы, — в дверь ФАПа постучали.

Я подняла голову от бумаг и сказала:

— Войдите!

Дверь открылась, и на пороге возник Константин Громов.

Он был одет в тёмную куртку из плотной ткани, на плечах которой ещё не растаяли снежинки, и высокие ботинки на толстой подошве. В руках он держал... коробку шоколад-

ных конфет. Тех самых, в красной обёртке, что продавались в малиновском супермаркете.

Я удивлённо подняла бровь.

— Здравствуйте, Алиса Романовна, — сказал он, и его голос звучал совсем не так, как в прошлый раз. Не было в нём металла, не было жёсткости. Только усталость и что-то ещё — может быть, сожаление.

— Здравствуйте, Константин Андреевич, — ответила я, откладывая ручку. — Что-то случилось? Вы заболели?

— Нет, — он покачал головой и сделал шаг вперёд. — Я... не по медицинскому вопросу.

Он поставил коробку конфет на край моего стола — аккуратно, словно не был уверен, что я её приму.

— Я пришёл извиниться, — сказал он.

В ФАПе повисла тишина. За окном кружились снежинки, большие и пушистые, как в детских сказках. Где-то вдалеке лаяла собака. А я смотрела на этого большого, грозного мужчину со шрамом на щеке и не могла поверить своим ушам.

— Извиниться? — переспросила я.

— Да. За тот случай на лесопилке. Я накричал на вас. Это было... — он помолчал, подбирая слово, — неправильно. Вы спасали моего рабочего. Серёга жив и здоров, врачи сказали — если бы не ваша помощь, он бы истёк кровью. А я... я повёл себя как...

Он замолчал. Я видела, что каждое слово даётся ему с трудом. Этот человек не привык извиняться — это было замет-

но по тому, как напряглись его плечи, как сжались челюсти.

— Я не держу зла, Константин Андреевич, — сказала я спокойно. — Это была экстренная ситуация. Вы переживали за своего рабочего, я понимаю. У всех сдают нервы.

Он поднял на меня взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Вы... не сердитесь?

— Нет, — я покачала головой. — Я же сказала. Я фельдшер, а не обидчивая барышня. Моя работа — помогать людям, а не коллекционировать обиды. Вы накричали, вы же и извинились. Вопрос закрыт.

Несколько секунд он просто смотрел на меня. Потом уголки его губ дрогнули в чём-то, что при желании можно было назвать улыбкой.

— Вы странная, — сказал он.

— Спасибо, — усмехнулась я. — Приятно слышать.

— Я не хотел вас обидеть. Я хотел сказать, что вы... не похожи на других.

— На каких других?

— На тех, кто сюда приезжает, — он помолчал. — Они обычно... другие. Мягче, что ли. Чуть что — в слёзы, чуть что — заявление об увольнении. А вы... — он посмотрел на меня с тем же непонятным выражением, что и при первой встрече. — Вы дерзкая.

— Вы уже говорили, — напомнила я.

— И повторю, — он кивнул. — Такие здесь нужны.

Я не нашлась, что ответить. Громов постоял ещё немного, потом кивнул на коробку конфет:

— Вы возьмите. Я специально в Малиновку ездил за ними. Не знал, какие вы любите, взял ассорти.

— Спасибо, — сказала я, придвигая коробку к себе. — Я люблю шоколадные.

Он снова кивнул, развернулся и пошёл к выходу. У двери остановился и, не оборачиваясь, сказал:

— Если что-то понадобится — обращайтесь. Лесопилка знает, где ваш ФАП.

И вышел.

А я осталась сидеть за столом, глядя на коробку конфет в красной обёртке. За окном кружился первый снег, а в груди разливалось странное тепло, причину которого я пока не могла себе объяснить.

***

С того дня визиты Громова стали повторяться.

Сначала он зашёл через три дня — якобы проверить, есть ли у меня всё необходимое для работы. Я показала ему ФАП, оборудование, лекарства. Он осмотрел всё с видом ревизора, хмуря бровь и время от времени задавая вопросы. В конце осмотра он кивнул и сказал: «Хорошо. Если чего не хватает — скажите. Я могу помочь».

Потом он зашёл через неделю — якобы измерить давление. Я измерила. Давление было идеальное — сто двадцать на восемьдесят. Я сказала ему об этом, он хмыкнул и отве-

тил, что «в его возрасте уже нужно следить». Хотя какой там возраст — тридцать четыре года, самый расцвет.

Потом он появился под вечер, когда я уже закрывала ФАП, — якобы проходил мимо и решил спросить, не нужны ли мне дрова. Дрова у меня были, о чём я ему и сообщила. Он снова кивнул и ушёл.

На пятый или шестой его визит я не выдержала.

— Константин Андреевич, — сказала я, когда он в очередной раз появился на пороге с каким-то невнятным предлогом. — Скажите честно: у вас есть реальная медицинская причина приходить сюда, или вы просто ищете повод?

Он замер на мгновение, и мне показалось, что на его суровом лице промелькнуло что-то похожее на смущение. Но уже через секунду он взял себя в руки.

— А если и ищу? — спросил он, глядя мне прямо в глаза.

Теперь настала моя очередь смутиться. Я не ожидала такого прямого ответа.

— Тогда, — сказала я медленно, — вам не обязательно придумывать предлоги. Если хотите зайти — заходите. Я здесь каждый день с восьми до пяти. А в экстренных случаях — круглосуточно.

Он усмехнулся — по-настоящему, широко, и от этой усмешки его лицо преобразилось. Исчезла суровость, исчезла грозность, и на мгновение я увидела того мужчину, которым он, возможно, был до того, как жизнь наложила на него свой отпечаток.

— Договорились, — сказал он. — Тогда до завтра.

И ушёл.

А я осталась стоять с открытым ртом, понимая, что только что сама пригласила Громова заходить каждый день.

Впрочем, я не жалела.

***

Прошло ещё две недели.

Октябрь подходил к концу, и зима заявляла о себе всё увереннее. Снег уже не таял — он лежал на крышах домов, на ветках сосен, на дорогах, превращая Медвежий Бор в зимнюю сказку. По утрам столбик термометра опускался до минус десяти, а к вечеру и вовсе до минус пятнадцати.

Я купила тёплые сапоги и пуховик, а на колёса машины надела зимнюю резину — благо, в деревенском магазине был небольшой автоотдел, где нашлось всё необходимое. Печку теперь топила каждый вечер, и дом наполнялся теплом и запахом горящих берёзовых поленьев. Это был уютный, домашний запах, который я успела полюбить.

На работе всё шло своим чередом. Пациенты привыкли ко мне, я привыкла к ним. Иван Степанович звонил всё реже — видимо, считал, что я уже полностью вошла в колею. Громов заходил почти каждый день — то давление измерить, то просто поздороваться. Я к этому привыкла и даже ждала его визитов.

А ещё — я получила первую зарплату.

Собственно, «зарплата» — это громко сказано. Деньги пе-

ревели на карту, и когда я зашла в мобильный банк, чтобы проверить баланс, то не смогла сдержать вздоха. Сумма была скромной — очень скромной по сравнению с тем, что зарабатывали мои бывшие однокурсники, оставшиеся в городе. Но вместе с подъёмными, которые выплатили мне при оформлении, на карте набралось достаточно, чтобы я могла позволить себе одну важную покупку.

Стиральная машина.

До этого я стирала руками, в тазу, нагревая воду на плите. Это отнимало уйму времени и сил, а с наступлением холодов превращалось в настоящее мучение. Когда я впервые после рабочего дня вынуждена была полоскать бельё в ледяной воде (газовый баллон для плиты закончился, а запасной я не успела заказать), я поняла, что так больше продолжаться не может.

В ближайшую субботу я отправилась в Малиновку.

Дорога была скверная. Снег, выпавший за последние дни, налипал на колёса, машину то и дело заносило на обледенелых участках. Я ехала медленно, крепко вцепившись в руль, и молилась, чтобы не заглохнуть где-нибудь посреди тайги.

В Малиновке я первым делом отправилась в магазин бытовой техники — небольшой, но с приличным выбором. Продавец, молодой парень с бейджиком «Максим», помог мне выбрать стиральную машину — компактную, с вертикальной загрузкой, которая поместилась бы в мою ванную комнату.

— Эта модель хорошая, — сказал он, похлопывая по корпусу. — И порошка мало берёт, и отжимает нормально. В деревню брать — самое то.

Я заплатила, и Максим помог погрузить коробку в мою машину. Она едва поместилась на заднем сиденье.

— Далеко везёте? — спросил он.

— В Медвежий Бор.

— Ого, — он присвистнул. — Это к Громову, значит. Ну, удачи на дороге. Там гравийку вчера снегом завалило, скользко.

Я поблагодарила и поехала обратно.

Дорога действительно была ужасной. На полпути машина заскользила на подъёме, и я едва не съехала в кювет. Пришлось выходить, толкать, подкладывать ветки под колёса. Стиральная машина на заднем сиденье подпрыгивала на ухабах, и я всерьёз опасалась, что она не доедет до дома в рабочем состоянии.

Но доехала.

Разгрузка и подключение заняли остаток субботы и половину воскресенья. Пришлось повозиться с подключением к водопроводу, но в итоге я справилась. Когда машина впервые загудела, заливаясь водой, я стояла рядом и улыбалась, как ребёнок, получивший долгожданный подарок.

В воскресенье вечером, сидя у печки с чашкой чая и слушая, как в ванной тихо гудит стиральная машина, я чувствовала себя почти счастливой.

Это была моя первая крупная покупка. На те деньги, которые я заработала сама — своим трудом, своими руками, своими знаниями. Не на отцовские подачки, не на мамино наследство, а на собственные деньги.

И от этого стиральная машина казалась мне дороже любого бриллианта.

***

Настоящая зима пришла в середине ноября.

До этого снег шёл несколько раз, но быстро таял, оставляя после себя слякоть и лужи. Но в тот день всё было иначе.

Я проснулась утром от необычной тишины. Окно на мансарде, всегда пропускавшее звуки улицы — лай собак, гул лесопилки, голоса прохожих, — теперь словно запечатало мир снаружи. Я выбралась из-под одеяла, подошла к окну и ахнула.

За ночь Медвежий Бор преобразился.

Снег лежал повсюду — толстым, пушистым одеялом, сияющим в лучах утреннего солнца. Крыши домов превратились в сахарные головы, деревья надели белые шубы, дорога исчезла под слоем снега толщиной в полметра. Небо было пронзительно-голубым, каким оно бывает только зимой, после обильного снегопада.

Я оделась потеплее и вышла на крыльцо. Морозный воздух обжёг щёки, заставил заслезиться глаза. Из-за леса поднималось солнце — огромное, оранжевое, заливающее снежную равнину розовым светом. Тишина стояла такая, что

слышно было, как где-то далеко-далеко тявкает собака.

— Красиво, — прошептала я, и пар от моего дыхания повис в воздухе белым облачком.

В ФАП тем утром никто не пришёл. Оно и понятно — в такой снег выбраться из дома могли только самые отчаянные или самые больные. Часов в десять, впрочем, заявился тракторист Петрович с радикулитом — но это был, скорее, повод посидеть в тепле и выпить чаю, чем реальная медицинская необходимость.

— Ничего, Алиса Романовна, — сказал он, грея руки о кружку с чаем, — первый снег — он всегда такой. Красивый, пушистый, как невеста. А через месяц надоест так, что выть хочется. Я в этих краях пятьдесят лет живу, знаю, о чём говорю.

— Но пока-то красиво, — улыбнулась я.

— Пока — да, — согласился Петрович. — Пока красиво.

К вечеру снегопад возобновился. Я закрыла ФАП в пять, растопила печку, заварила чай. Села у окна и долго смотрела, как крупные хлопья падают с неба, заметая всё вокруг. Красота была такой, что дух захватывало.

В восемь вечера в дверь постучали.

Я никого не ждала, поэтому пошла открывать с лёгким беспокойством. На пороге, весь запорошенный снегом, стоял Громов. В руках он держал большой бумажный пакет.

— Вечера доброго, — сказал он, отряхивая снег с шапки. — Не помешал?

— Нет, — ответила я, отступая в сторону. — Заходите, Константин Андреевич.

Он вошёл, и я заметила, что двигается он как-то по-особенному, осторожно, словно в моём доме всё было хрустальным и он боялся что-нибудь разбить.

— Я тут... в Малиновку ездил сегодня, — сказал он, ставя пакет на стол. — Подумал, может, вам что-то нужно. Дорогу-то вон как завалило. На легковушке сейчас не проехать.

— Да, — согласилась я. — Я утром пыталась, но не рискнула. А вы как проехали?

— У меня УАЗ, — он усмехнулся. — Он и не по такой дороге пройдёт.

Я заглянула в пакет. Там лежали продукты: хлеб, молоко, сыр, яйца, несколько банок консервов, пачка чая и коробка конфет — снова шоколадных.

— Это... мне? — растерялась я.

— Вам. Сочтёмся как-нибудь, — он отвёл глаза, и я снова заметила это странное смущение, которое он так старательно прятал за суровостью.

— Спасибо, — искренне сказала я. — Я как раз думала, что мне нужно в Малиновку, но дорога... да, вы правы. Не проехать.

— Обращайтесь, — он кивнул. — У меня дела в Малиновке бывают регулярно. Могу вас подбрасывать.

— Я не хочу вас обременять.

— А вы меня и не обременяете, — он посмотрел на ме-

ня долгим взглядом. — Мне не трудно, Алиса Романовна. Серьёзно. Если вам что-то нужно — скажите. Дорога зимой опасная, незачем рисковать.

Я кивнула, не зная, что ответить. Громов переминался с ноги на ногу у порога, явно не решаясь уйти, но и не зная, что ещё сказать.

— Чаю? — предложила я.

— Не откажусь.

Мы сидели за столом, пили чай, и за окном падал снег. Разговор не клеился — мы оба были не из тех, кто любит болтать о пустяках. Но тишина не была напряжённой. Она была... уютной. Как будто мы знали друг друга дольше, чем несколько недель.

— Константин Андреевич, — сказала я, глядя на огонь в печи. — А вы давно в Медвежьем Бору живёте?

— Десять лет, — ответил он. — Лесопилку строил сам, с нуля. Сначала было тяжело. Очень тяжело. Но потом... раскрутилось. Сейчас это одно из крупнейших предприятий в районе.

— А до этого? Где вы жили?

Он помолчал, и я заметила, как тень пробежала по его лицу. Шрам на щеке побелел — совсем как тогда, в день нашей первой встречи.

— До этого — везде понемногу, — сказал он, и в голосе его появилась та самая сталь, которую я слышала раньше. — Долгая история. Может, расскажу когда-нибудь.

Я не стала настаивать. У каждого есть прошлое, о котором не хочется говорить.

Громов допил чай, поблагодарил и ушёл. Я стояла на крыльце, глядя, как его высокая фигура исчезает в снежной пелене. И думала о том, какой же он всё-таки странный — этот грозный хозяин лесопилки, который ездит в Малиновку за продуктами для одинокой фельдшерицы и не умеет поддерживать светскую беседу.

Но именно в эту ночь я впервые призналась себе: я жду его визитов. Жду, когда он в очередной раз появится на пороге ФАПа с каким-нибудь глупым предлогом. Жду его низкого голоса и того, как он смотрит на меня — прямо, не отводя глаз.

И это признание пугало меня больше, чем предстоящая сибирская зима.

***

В конце ноября, в субботу, Громов снова постучался ко мне в дверь — на этот раз с утра пораньше.

— Собирайтесь, Алиса Романовна, — сказал он без предисловий. — Еду в Малиновку. Если вам нужно закупиться — сейчас самое время. Погода ясная, дорогу вчера почистили.

Я заколебалась. С одной стороны, продукты действительно заканчивались — мой последний визит в Малиновку был почти две недели назад, и я уже перебивалась с круп на макароны. С другой — мне не хотелось быть обязанной Гро-

мову больше, чем уже была.

Но он словно прочитал мои мысли.

— Алиса Романовна, — сказал он, — это не одолжение. Мне всё равно ехать, а с вами веселее. И потом, — он чуть усмехнулся, — я же обещал помочь. Я свои обещания выполняю.

Через полчаса я сидела в его УАЗе, и мы тряслись по расчищенной гравийке в сторону Малиновки. В кабине было тепло, пахло бензином и смолой, а Громов время от времени бросал короткие фразы — о погоде, о дороге, о планах на зиму.

— У меня машина еле ездит, — пожаловалась я, когда УАЗ в очередной раз перевалился через ухаб, даже не заметив его. — После вчерашнего снега я вообще боюсь за руль садиться. Она лёгкая, на скользкой дороге как корова на льду.

— А что за машина? — спросил Громов.

— «Лада». Отечественная. Отец подарил, — я помолчала. — Но для здешних дорог она не подходит. Я думала, может, продать её и купить что-то попроходимее. Но пока денег нет.

— А что присматриваете?

— Да я особо и не смотрела, — призналась я. — Что-то повыше, с хорошей проходимостью. Кроссовер, наверное. Но цены...

— Понятно, — Громов кивнул.

Некоторое время мы ехали молча, а потом он сказал:

— Знаете что, Алиса Романовна. Если вы действительно хотите продать свою «Ладу» и купить что-то другое — я могу помочь.

— Каким образом?

— Во-первых, советом, — он пожал плечами. — Я в машинах немного разбираюсь. Во-вторых, подбором. У меня есть знакомые в областном центре, помогут найти хороший вариант за разумные деньги. А в-третьих, — он покосился на меня, — если решите продавать, я мог бы весной съездить с вами. В город. Помочь с продажей и покупкой. Вдвоём надёжнее.

— Но у вас же дела, лесопилка...

— Управляющий справится неделю без меня, — отмахнулся он. — Тем более, я тоже планировал весной в город — оборудование кое-какое присмотреть. Совместим.

Я смотрела на дорогу впереди, на заснеженные сосны, мелькавшие за окном, и думала. С одной стороны, принимать такую помощь от постороннего человека было неловко. С другой — Громов уже стал не совсем посторонним. За полтора месяца, прошедшие с нашей первой ссоры на лесопилке, он успел стать... кем-то. Я пока не знала, как это назвать. Но отрицать его присутствие в моей жизни было бы глупо.

— Хорошо, — сказала я. — Если вам не трудно — я согласна. Только, — я повернулась к нему, — при одном условии: я сама заплачу за машину. Из своих денег. Без подарков

и одолжений.

Он усмехнулся:

— Договорились. Я и не собирался вам ничего дарить. Разве что совет.

— Совет — это можно, — улыбнулась я в ответ.

Мы въехали в Малиновку, и Громов припарковался у супермаркета.

— Я пока в хозяйственный заеду, а вы закупайтесь, — сказал он. — Через час здесь же.

Я кивнула и вышла из машины. Воздух был морозным и чистым, небо — ослепительно голубым. День обещал быть хорошим.

В супермаркете я методично обошла все полки, загружая тележку продуктами на месяц вперёд. Крупы, консервы, чай, кофе, сахар, соль, мука, пряности — всё, что могло понадобиться долгими зимними вечерами. Отдельно взяла свежих овощей и фруктов — пока их ещё привозили из города, нужно было пользоваться моментом. И, конечно, шоколад — для себя и, может быть, для одного грозного посетителя, который зачастил в ФАП в последнее время.

Когда я вышла из супермаркета с полными пакетами, Громов уже ждал меня у УАЗа, погрузив в багажник какие-то коробки с инструментами.

— Всё взяли? — спросил он.

— Вроде да.

— Тогда поехали. Погода портится — к вечеру может сно-

ва снег пойти.

Мы выехали из Малиновки. Я смотрела в окно на проплывающие мимо леса и чувствовала странное, давно забытое чувство — спокойствие. Настоящее, глубокое, какое бывает, когда ты знаешь, что всё идёт правильно.

— Спасибо, Константин Андреевич, — сказала я тихо.

— За что?

— За то, что помогаете. За продукты в тот раз. За сегодня. За всё.

Он не ответил сразу. Молчание тянулось долго, и я уже подумала, что он не услышал. Но потом он сказал:

— Не за что, Алиса Романовна. Я просто... я рад, что вы здесь.

И эти простые слова почему-то значили для меня больше, чем все цветы и комплименты, которые я когда-либо слышала от других мужчин.

Дорога обратно прошла без приключений. Громов довёз меня до самого дома и помог донести пакеты до крыльца.

— Если что-то понадобится — вы знаете, где меня найти, — сказал он и, не дожидаясь ответа, сел в УАЗ и уехал.

А я стояла на крыльце, глядя ему вслед, и думала о том, что жизнь — странная штука. Я уехала из дома, спасаясь от предательства, от боли, от унижения. Я думала, что еду в глушь, где меня ждёт одиночество и борьба за выживание. А вместо этого нашла людей, которые обо мне заботятся — просто так, без условий, без ожидания благодарности.

И, возможно — пока только возможно, — я нашла здесь что-то ещё. Что-то, чему я пока боялась давать имя.

Вечером я разобрала продукты, растопила печку, включила стиральную машину и села у окна с чашкой чая. За окном снова падал снег — крупный, пушистый, сказочный. А в груди разливалось теп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.